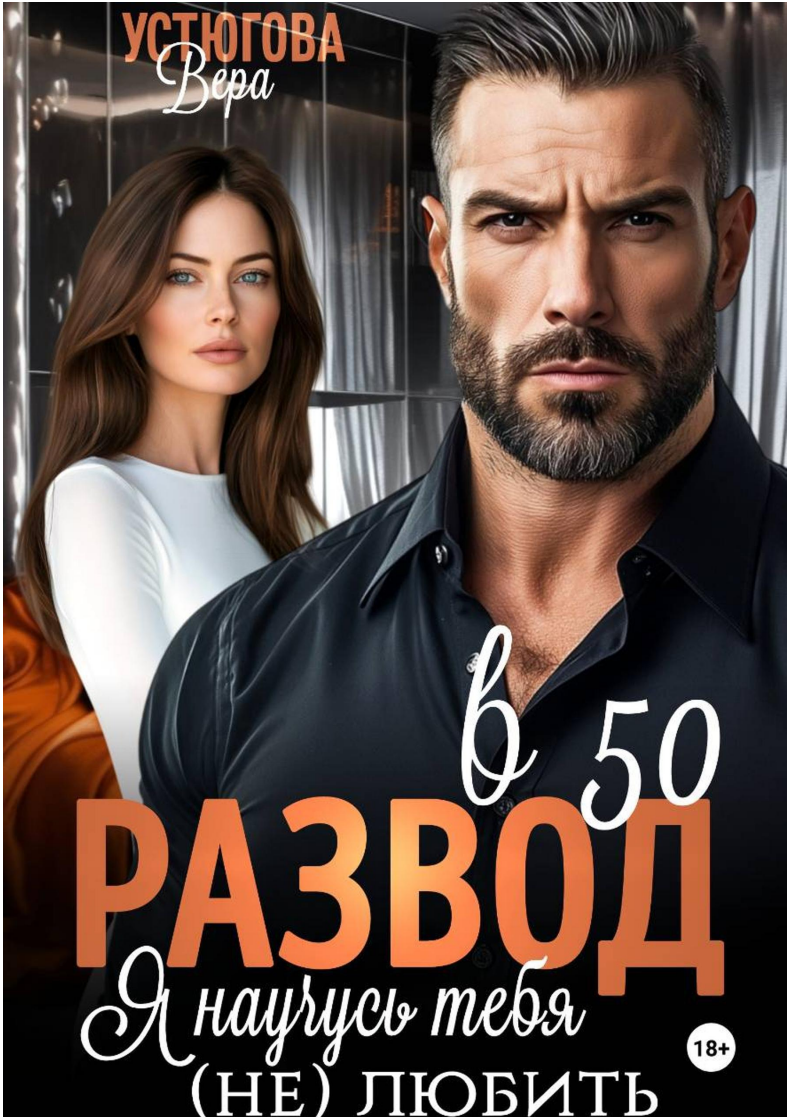

УСТЮГОВА
Вера
в 50
РАЗВОД
Я научусь тебя
(НЕ) ЛЮБИТЬ
18+

Вера Устюгова

Развод в 50. Я научусь тебя (не) любить

https://litres.ru/74718182
SelfPub; 2026

Аннотация

– Скажи мне правду, Кирилл! – кричу на мужа, вырываясь из его стальных объятий.

– Это ничего не значит, Оль, – вот так просто отвечает он, словно ничего страшного не случилось.

– Любовница и сын? Это, по-твоему, «ничего не значит»?

– Да. Между нами все останется как прежде. А Милу ты больше никогда не увидишь.

Вот так в 50 лет я узнала, что муж не просто изменил мне в самый тяжелый период моей жизни, но еще и воспитывает ребенка от молодой любовницы.

Он хочет все вернуть и забыть, а я начинаю жизнь с чистого листа.

Содержание

Пролог	4
От автора	9
Глава 1	10
Глава 2	22
Глава 3	27
Глава 4	32
Глава 5	39
Глава 6	45
Глава 7	51
Глава 8	57
Глава 9	63
Глава 10	68
Глава 11	73
Глава 12	83
Глава 13	90
Конец ознакомительного фрагмента.	99

Развод в 50. Я научусь тебя (не) любить

Пролог

Не остановимся, не попрощаемся
Падают, падают с неба сломанные
цветы
Не попрощаемся, а ты улыбаешься
Ведь там, где любовь кончается –
начинаешься ты.

«Кто-нибудь видел мою девчонку?» / Кирилл Павлов

Впервые гнал машину на скорости под двести километров.

Маневрировал, подрезал других, резко выворачивал руль, когда заносило на льду, но ехал так быстро, как только мог.

Она все узнала.

Моя Олька все узнала, и я не понимал, что говорить и как оправдываться перед ней.

– Черт-черт-черт! – кричу на весь салон седана и от злости бью руками по рулю, но потом быстро хватаюсь за него,

потому что выехал на встречку.

А это идея.

Повернуть руль чуть влево, и все проблемы решатся вмиг.

Лобовое столкновение с фурой, пара минут агонии в раздавленной машине, и мне не нужно будет смотреть в любимые серо-голубые глаза, в которых теперь точно плещется ненависть.

Существует ли вообще какое-то оправдание измене?

До поселка, где мы живем с женой вот уже одиннадцать лет, осталось три километра, но я чуть сбавляю скорость и набираю номер человека, которого отчаянно хочу придушить сейчас.

Из-за какой-то тупорылой малявки я могу потерять любимую женщину и свою семью.

– Кирилл?.. – раздается в динамике плачущий голос Милы.

Молчу, потому что, кроме мата, мне ничего в голову не приходит.

– Я не могла больше так, Кирюш. Она должна знать о нас с Федей. Мы ведь тоже твоя семья, – продолжает скулить в трубку девушка.

– Что ты несешь? – хрипло вырывается у меня, – Какая семья? Какая мы с тобой семья?! – все же вспыхиваю и начинаю орать на весь салон.

В ответ ожидаемо раздается громкий плач, и за ним я улавливаю еле слышное хныканье моего сына.

Приходится сбавить обороты и выдохнуть. Если рядом с ней Федя, я должен сделать все, чтобы эта дура успокоилась и не пугала ребенка.

И следующая мысль, которая выбивает весь воздух из легких…

– Ты пришла к моей жене с Федей? – чувствую, как все тело немеет от своего же вопроса.

Теперь очередь Милы молчать, и мне приходится терпеливо ждать, пока она наберется смелости и ответит мне.

Девушка всхлипывает, тяжело дышит и, наконец, выдает:

– Конечно, с Федей. А кому я его оставлю?

– Что ты ей сказала? Зачем, мать твою, ты вообще туда пошла? – еле держу себя в руках.

– Я не могу так, Кирилл, – совершенно спокойно реагирует Мила, и мне остается только удивляться, как быстро она перестала реветь, – Нашему сыну нужен отец. Не пару раз в неделю, а каждый день после работы и все выходные. И мне…

– Что тебе?

– Нужен! Ты мне нужен, Кирилл! Весь, днями и ночами! А твоя женушка…

– Заткнись, – обрываю новую истерику и сбрасываю вызов, потому что разговаривать с ней бесполезно.

Да и я больше не могу слушать ее визг. Голова раскалывается.

Глушу двигатель у обочины, когда до поселка остается по-

следний поворот, выхожу на дорогу, прислоняюсь к машине и достаю из кармана пальто сигареты.

Давно не курил, но пачку по привычке всегда держал при себе. На всякий случай.

Глубокая затяжка тут же скручивает легкие, но я игнорирую эту боль и сразу затягиваюсь второй раз, выпуская густое облако дыма в воздух.

Оля почувствует запах и будет ругаться, что я опять курю.

Если она вообще захочет со мной говорить…

Два года назад я совершил страшную ошибку. Грех, за который уже горю в аду.

Два года назад наш брак с Олей переживал очередной кризис, и я не справился. Однажды вечером, после работы, пошел с другом в бар, чтобы выпить и расслабиться.

Ну и расслабился. Так, что потом в зеркало на себя смотреть не мог.

Зацепился за молоденькую официантку и трахнул ее в туалете. Выпустил пар по полной.

Делаю новую затяжку, вспоминая тот чертов день.

Тогда я решил забыть, сделал вид, что ничего не было, и уехал домой. Принял душ, сдирая с себя кожу живьем, и лег в постель к женщине, которую всегда боготворил. Каждую минуту нашего брака, которому в этом году исполняется тридцать лет.

Но измена…

Ее не спрячешь, как бы ты ни старался.

Мила, та официантка из бара, объявилась через полгода. С внушительным пузом и слезами на глазах, потому что ее уволили из-за беременности.

Мы сделали тест ДНК, подтвердили мое отцовство, и с того момента груз вины перед Олей рос с геометрической прогрессией.

Кидаю окурок на землю и со всей яростью размазываю его по дороге.

Моя Олька будет кричать, ненавидеть и точно попробует уйти от меня. Но я не отпущу.

– НИ ЗА ЧТО! – ору в никуда, сажусь обратно в машину и с грохотом захлопываю дверь.

От автора

Дорогие читатели!

Добро пожаловать в мою следующую историю.

Про что она?

Конечно, про любовь, когда больно от предательства. Про измены, которые нельзя скрыть, потому что правда всегда выходит наружу.

А еще она про то, что не существует возраста, и испытания могут настигнуть тебя в любой момент.

Глава 1

За пару часов до событий пролога

День сегодня пасмурный, но что я хочу от февраля?

Нужно сказать «спасибо», что погода за окном практически весенняя. Снега мало, и воздух уже другой. Мягче и не обжигает морозом.

Аккуратно освобождаю корни орхидеи от грунта, убирая каждую щепку, запутавшуюся в растении. Давно пора пересадить ее, но я почему-то откладывала.

За столько лет цветоводства именно эта орхидея «Ванда» никак не поддается мне. При благоприятных условиях, какие я ей активно создавала, она должна цвести чуть ли не целый год.

Но она, зараза такая, то вянет, то сбрасывает все цветки через пару недель после начала цветения.

– Я тебя сейчас пересажу в новый грунт, с другим составом, чтобы ты мне и листочек новый дала, и цветочки свои красивые не сбрасывала, – воркую над растением, как над собственным ребенком.

Но они и есть мои дети.

Когда тебе в следующем месяце исполняется пятьдесят, старшие дочери давно разъехались, хочется тишины, спокойствия и любимое хобби рядом.

А еще мужа…

Вспоминаю о моем вечно строгом Кирилле, и на губах невольно появляется улыбка.

Больше тридцати лет вместе. Обалдеть!

До сих пор помню, как он нагло подсел ко мне за первую парту в одиннадцатом классе, а через год, только нам исполнилось по восемнадцать, сделал предложение. Прямо на выпускном.

ЗАГС, конечно, случился намного позже, потому что наши родители были категорически против раннего брака.

Но мы поженились, вырастили двух замечательных дочерей и сейчас наслаждаемся жизнью вдвоем. Как тогда, тридцать лет назад, когда мы были предоставлены только друг другу.

Выныриваю из воспоминаний, когда за спиной раздаются тихие шаги. Мне не нужно поворачиваться, чтобы понять, кто стоит в сторонке и с улыбкой наблюдает, как я на коленях, вся в земле, копаюсь в своих растениях.

– Олюшка, все щебечите над своими цветочками? – мягко спрашивает Валечка, моя верная помощница по хозяйству.

С ней мы вместе, как Кирилл построил этот дом. Слишком большой, чтобы я могла самостоятельно справляться с уборкой.

Аккуратно кладу орхидею на заранее приготовленный пакет, встаю на ноги и отряхиваюсь от земли.

– Куда я без них, – развожу руками и улыбаюсь женщине в ответ.

Валентина старше меня всего на десять лет, но рядом с ней я чувствую себя совсем молоденькой девчонкой.

Не из-за возраста, нет.

Валя у нас серьезная, хозяйственная. Все у нее по полочкам и по расписанию.

И я…

Копошусь в своих горшках днями, все время ветер в голове – будто мне не пятьдесят в марте исполняется, а двадцать пять.

Кажется, что наступает вторая молодость, когда мы какие только глупости не вытворяли. Но мне нравится мое новое состояние. Определенно нравится.

– Оля, я в вашей спальне белье поменяла, рубашки Кирилла завтра с утра в химчистку отвезу, ужин в духовке, – в привычной манере отчитывается женщина, – Я пойду? Давление опять скачет.

– Конечно-конечно, – тут же все несерьезное настроение сходит на нет, – Я рубашки сама отвезу, а вы отдыхайте.

– Разберемся с утра, – кивает Валентина, – Хорошего дня.

– И вам, – кричу ей в след, возвращаясь к своим зеленым малышам.

Надо скорее доделать все садоводческие дела, отмыться от земли и ждать мужа, чтобы с наслаждением прижаться к его сильному и горячему телу.

***

Валентина уходит к себе в небольшой домик для прислу-

ги, который мы дополнительно построили для нее и еще одного нашего помощника – дяди Коли, садовника, ремонтника и всех на свете дел мастера.

А я почему-то ловлю себя на тревоге.

Не знаю из-за чего и откуда она взялась, но после пересадки орхидеи я нахожу себя в гостиной у большого панорамного окна.

Вечереет все еще рано, на улице постепенно становится темно, и я напряженно смотрю на ворота, словно ожидая что-то нехорошее.

Но ведь все прекрасно?

Кирилл вернется с работы сегодня раньше, потому что мы договорились проводить больше времени вместе. У дочек тоже все хорошо.

Старшая Катя недавно родила и вовсю возится с нашим пухлощеким внуком, а младшая Ульяша только переехала в собственную квартиру и наслаждается студенческой жизнью без нравоучений родителей.

Мы с Кириллом вместе, и после всех недомолвок, ссор и обид, которые были между нами, пока я переживала раннюю менопаузу, наступил, наконец, счастливый период.

Словно нам опять по двадцать, и мы прячемся по углам, чтобы целоваться до онемения губ.

«Тогда в чем дело, Оль?» – спрашиваю себя мысленно и не перестаю смотреть в окно.

Еще минут пять так гипнотизирую улицу и все же застав-

ляю себя сдвинуться с места.

Я до сих пор вся в земле, надо просто принять горячий душ и расслабиться. Смыть с себя это дурацкое предчувствие.

Подхожу к лестнице, чтобы подняться на второй этаж, и замираю на месте.

Звонок домофона настолько оглушительный в тишине дома, что он заставляет меня морщиться от своего резкого звука.

Скорее подхожу к экрану с камерой и замечаю молодую девушку, переступающую с ноги на ногу.

Это еще кто такая?

– Здравствуйте, – здороваюсь с ней, но не спешу открывать.

Незнакомка подпрыгивает на месте, испугавшись моего голоса, и начинает быстро-быстро тараторить.

– Ольга, здравствуйте. Меня зовут Мила, и я очень хочу с вами поговорить. Впустите, пожалуйста. Тут очень холодно из-за ветра. У меня ребенок застудится, – и в доказательство она поднимает автолюльку, которую до этого не было видно на камеру.

А в ней я разглядываю крохотное тельце в болоньевом комбинезончике.

Девушка с ребенком… Ко мне поговорить…

Становится не просто тревожно, а жутко.

Я ее не знаю, мой муж ее не знает. Не помню, чтобы у

Кирилла в компании вообще работала какая-то Мила.

– Извините, но кто вы? – продолжаю внимательно разглядывать девушку на экране, пытаясь вспомнить, могла ли я ее где-то видеть раньше.

Нет. Точно нет.

– Мила, – повторяет она, – Знакомая вашего мужа. Ольга, впустите нас, пожалуйста. Феденьке памперс надо поменять.

Феденьке?

И, словно сговорившись с этой Милой, малыш в люльке начинает хныкать.

Я не зверь, поэтому сдаюсь и открываю. Никогда такого не делала, всегда избегала общения с незнакомцами, но тут просто жалею ребенка, который с каждой секундой ревет все громче и громче.

Придерживаю входную дверь, пропуская эту Милу с малышом, и потом также молча веду их в гостиную к диванам.

Девушка тут же по-хозяйски располагается, ставит люльку на журнальный столик, снимает с себя яркий синий пуховик и внимательно осматривает пространство вокруг.

Я тоже время зря не теряю.

Значит, все-таки знакомая Кирилла, и это знание только усиливает тревогу внутри. У мужа никогда не было таких знакомых.

И под словом «таких» я имею в виду двадцатилетнюю девушку в какой-то аляпистой одежде, не сочетающейся по цветам, с яркими искусственными прядками в светлых во-

лосах, с цветными стрелками и блестками.

Она выглядит… Хочется сказать безвкусно, но кто я такая, чтобы судить людей по одежде.

Прекращаю разглядывать незнакомку и внимательно готовлюсь слушать ее, подавляя растущую панику.

Не понимаю, откуда берется это чувство, но справиться с собой мне становится все труднее.

– Мила? – отвлекаю девушку от исследования нашего дома, – Откуда вы знаете моего мужа?

– У вас тут красиво, Кирилл постарался, – вдруг заявляет эта дамочка, заставляя меня напрячься.

Она мне не нравится. С первой секунды, как только увидела ее на экране домофона.

Почему – не знаю. Вроде обычная девушка, почти ровесница моей Ульяны, еще и молодая мамочка.

Внешне она выгляди безобидно, но чуйка буквально орет – что-то не так в этом невинном взгляде карих глаз.

– Да, постарался, – повторяю за ней, – Но все же…

Мила с глупой улыбкой смотрит на меня, потом поворачивается к автолюльке, берет в руки младенца и протягивает его мне.

Из-за всего сюра ситуации зачем-то беру чужого малыша и прижимаю к себе.

– Это Федор Кириллович, – произносит девушка, – Наследник вашего мужа.

Глупая улыбка гостьи превращается в победную, когда на

моем лице сначала появляется шок, за ним недоверие, а после я бледнею и забываю дышать.

Это бред! Ну бред же…

Сын Кирилла? Моего Кирилла?

– Это шутка какая-то? – стараюсь сохранять строгий тон.

– Почему? Хотите я вам фото покажу или видео, где Кирюша с Феденькой вместе? У меня еще есть снимки с выписки, – щебечет девушка, пока я дрожащими руками пытаюсь удержать ее ребенка, – Представляете, Кирилл тогда заказал аниматоров, цветы. Он весь роддом засыпал подарками в честь рождения долгожданного сына!

– Заберите его, – еле выговариваю, протягивая тельце мальчика его матери.

В один момент этот пухлощекий малыш в бежевом комбинезоне с мишками превращается для меня в бомбу замедленного действия.

– А? Да, конечно!

Мила выхватывает ребенка и передает мне свой разблокированный телефон. Хочется тут же откинуть его в сторону, но глаза не могут оторваться от фотографии на нем.

Кирилл… Счастливый такой, широко улыбается и держит белый сверток на руках. Следующее фото – опять он, прижимает к себе младенца и все также широко улыбается.

Пролистываю еще с десяток таких фото, и везде мой муж сияет от радости. На последнем снимке опять роддом, но уже Кирилл одной рукой держит сверток, а другой приобнимает

не менее счастливую Милу.

– Это фотошоп, – вырывается у меня, – Или хорошая работа нейросети.

Видимо, мозг все еще находится в стадии отрицания.

– Не верите? – наигранно удивляется Мила, издеваясь надо мной.

– Для чего вы здесь?

– Я хочу, чтобы вы отстали от нас, – вновь шокирует меня девушка, – Дали Кириллу свободно вздохнуть и уйти ко мне.

– А я его держу? – с сарказмом спрашиваю у нее, вскакивая на ноги.

– Понимаете…, – начинает мяться эта Мила, раздражая меня сильнее.

Все в ней теперь неимоверно злит меня. Безвкусный образ, писклявый голосочек, взгляд этот…

Она откровенно издевается надо мной, хоть и старательно прикидывается невинной овечкой.

– Не понимаю! Вам пора, – указываю рукой в сторону двери.

– Он боится, что в случае развода вы заберете часть его бизнеса…

– Какой же это бред! – перебиваю ее, – А вы точно знаете моего мужа? Кирилл бы никогда так не подумал про меня.

– Все еще не верите мне? – бурно реагирует девушка, вслед за мной вставая с дивана, – Тогда давайте позвоним ему?

Застываю на месте и тут же выдаю свой страх.

– Что? Боитесь? – ухмыляется Мила, – Правильно делаете.

Девушка берет в руки телефон, что-то там листает и опять протягивает его мне.

«Любимый» – высвечивается на экране, а под надписью номер телефона, который я знаю наизусть.

Кирилл его годами не менял.

– Звоните, не бойтесь, – подталкивает меня девушка, не переставая ехидно улыбаться.

Хочется врезать ей, схватить за волосы и выкинуть из дома, чтобы не осквернила своим присутствием место, которое я так люблю.

Но этот ее ребенок, который вместе с матерью смотрит на меня своими карими глазками.

Сложно в таком маленьком возрасте разглядеть черты родителей, но мне начинает казаться, что нос, губы и даже этот внимательный взгляд напоминают мне моего Кирилла.

Или уже не моего?

Этому малышу примерно полгода, еще девять месяцев на беременность – муж больше полутора лет скрывал от меня свою любовницу.

Но надо признать, что тщательно скрывал, не подкопаешься.

Поднимаю глаза с Феди на Милу и нажимаю на значок вызова.

Начинается обратный отсчет до краха моей счастливой жизни, и длинные гудки заставляют меня задержать дыхание.

Номер не отвечает, но я набираю еще раз.

Опять гудки, и кажется, что можно отключить вызов, швырнуть смартфон в лицо наглой девицы, но в трубке сначала раздается шорох, а потом требовательное:

– Что случилось?

Кирилл.

– Привет, Кирюш, – за меня отвечает любовница мужа.

Теперь в этом можно не сомневаться.

– Мила, – устало выдает мужчина на том конце провода, – У меня мало времени. Что-то с Федей?

– С Федюшей все отлично, но мы скучаем, – театрально тянет девушка, – Когда ты к нам приедешь?

– Я же был вчера. Пока не могу.

Вчера?

Вчера Кирилл сначала задержался на работе, а потом заезжал в автомастерскую, чтобы проверить машину – именно такую версию озвучил мне муж, вернувшись домой.

– Но ты приедешь в эти выходные?

А что мы планировали в выходные?

Точно! В субботу мы должны пойти к Кате, поужинать вместе со старшей дочкой и ее семьей. Она давно звала.

– Приеду. После обеда в субботу приеду к вам.

Как это после обеда? А ужин с Катей?

– Кирилл?.. – вырывается у меня, и между нами повисает гробовая тишина.

Он не сбрасывает звонок, пойманный с поличным. Он просто молчит в трубку.

– Оля?

– Да, Оля, – коротко отвечаю ему и первая завершаю вызов.

Глава 2

Каково это в пятьдесят лет узнать об измене мужа?

Настолько больно, что я тут же впадаю в прострацию, теряя связь с окружающим миром.

На фоне слышатся голоса. Сначала писклявый Милы, потом к ней присоединяется Валентина, грозным басом выгоняя девушку за порог.

А я в это время, словно рыба, выброшенная на берег, хватаю ртом воздух и ощущаю, как по телу проносятся приливы болезненного жара.

Что я сделала не так? В какой момент наша любовь превратилась в один большой обман?

А если Мила не единственная?

Мне страшно, больно и одиноко.

Впервые за столько десятков лет я чувствую одиночество, которое теперь никуда не денется от меня.

Оли и Кирилла больше нет, и осознание этого бьет меня еще сильнее, чем новость об измене мужа.

Я то всхлипываю, то забываю дышать, пропуская вдохи. Тело охвачено мелкой дрожью, а уши как будто заложило.

В какой-то момент рядом со мной оказывается Валя. Она и гладит меня, и трясет за плечи, чтобы привести в чувства, но я слабо реагирую.

– Олюшка, ну посмотри на меня, – сокрушается женщи-

на, – Ты справишься, милая моя. Давай, пойдем в ванную. Я тебя умою.

– Он…, – еле шевелю языком, – У него ребенок.

– Знаю, слышала, – кивает Валя, – Зашла за таблетками и все услышала. Тебе надо собраться, Ольга. Нельзя с Кириллом в таком виде разговаривать. Тебе надо сейчас быть сильной. Пошли, давай…

Женщина пытается поднять меня, но тело намертво приросло к месту. И только после десятой попытки я кое-как встаю, хватая руки Валентины, шатаюсь, не чувствую опору под ногами, поэтому опять заваливаюсь на диван.

Вместе с жаром приходит адская головная боль. Такая, что в какой-то момент я зажмуриваю глаза, чтобы избавиться от светобоязни.

И именно в этот момент приезжает Кирилл.

Я не слышу и не вижу его, но чувствую. Так было всегда – я ощущала его на каком-то подсознательном уровне.

Его шаги, дыхание, настроение. Казалось, что я могу даже мысли его прочитать, когда он пристально смотрит на меня.

Но я ошибалась.

Ничего я не чувствую и человека, с которым прожила больше тридцати лет, совершенно не знаю.

С трудом, но я собираю в себе остатки сил, чтобы встать. Ладонями тру лицо и заправляю волосы за уши.

Идти в ванную, приводить себя в порядок я не собираюсь. Он не заслужил.

Пусть смотрит на такую жену. В земле, помятую и с лихорадочным румянцем.

– Я пойду, – подает голос Валя, и я молча киваю ей в ответ.

***

Кирилл заходит через пару минут. Медленно и, я бы сказала, осторожно проходит в гостиную ко мне.

Молчит, но сканирует своим тяжелым взглядом.

В какой-то момент эта игра в молчание мне надоедает, и я первая нарушаю давящую тишину.

– Ничего не хочешь сказать?

– Так и не придумал, что говорить, – хрипло произносит Кирилл.

Смотрю на него и понимаю, что даже видеть его не могу. Глазам вновь становится больно, и хочется посильнее зажмуриться, но я терплю.

– И все же почему?

– Я не…

Он пытается подойти ближе, протягивает руки, чтобы коснуться меня, но я тут же отскакиваю.

Он изменил мне в самый тяжелый период жизни. Как раз почти два года назад, когда я переживала климакс.

Когда я плакала сутками напролет, не спала по ночам, не понимала, что происходит с моим организмом и не могла исполнять роль хорошей жены.

Поцелуи, секс и даже самые простые касания не приносили былого удовольствия.

Я старалась, улыбалась, не отгоняла мужа, понимая, что он не виноват. Это случается. Рано или поздно каждая женщина проходит менопаузу.

Так вышло, что меня она настигла ближе к сорока семи годам.

Но Кирилл… Он решил пойти по самому простому пути.

Жена не дает – найду любовницу.

Чувствую, как вместе с лихорадкой приходит жгучая обида за себя, а еще ярость, которая только усиливается, когда Кирилл все же обнимает меня.

Крепко, зажимая руками и упираясь подбородком мне в макушку.

– Я люблю тебя, Оль. Только тебя, – быстро шепчет он.

Любит? Так сильно, что полез к молоденькой девчонке? Эта Мила ведь почти ровесница нашей дочери!

– Скажи мне правду, Кирилл! – кричу на мужа, вырываясь из его стальных объятий.

Он теряется из-за моей реакции. Не привык, что я могу быть настолько бешеной.

Но Кирилл – это Кирилл. Ему хватает секунды, чтобы собраться.– Это ничего не значит, Оль, – вот так просто отвечает он, словно ничего страшного не случилось.– Любовница и сын? Это, по-твоему, «ничего не значит»?– Да. Между нами все останется как прежде. А Милу ты больше никогда не увидишь.

– Это меня ты больше никогда не увидишь, – с горечью

заключаю, потому что как раньше уже никогда не будет.

– Мы не будем рушить брак из-за какой-то интрижки, – добивает меня Кирилл.

Глава 3

Не верю своим ушам.

Стою перед ним как дура с открытым ртом и не верю, что он вправду это сказал.

– Оль, послушай…

– Нет, подожди, – резко перебиваю его, – Как ты сейчас назвал свою любовницу и сына, которых скрывал от меня два года? Интрижка? Мне не послышалось?

– Оля, – по голосу мужа понимаю, что ему не нравится мой тон.

Не привык к такой жене.

Даже в моменты истерик, которые слишком часто случались со мной с наступлением климакса, я не была такой.

Да, могла зареветь без причины, отказывалась от близости, убегала в ванную, чтобы он не трогал меня.

Но не давила на него и не грубила, потому что с Кириллом так нельзя.

Он влюбился в тихую и спокойную отличницу Олю, какой я была все эти годы. И точно не готов к общению со взбесившейся бабой.

– Что Оля? У тебя семья на стороне, к которым ты ездишь каждые выходные, – чувствую, что скоро перейду на крик, – А я, дура, переживала, что мой муж чрезмерно нагружает себя работой. Умоляла тебя вырвать мне хотя бы один вы-

ходной, чтобы мы проводили больше времени вместе.

Страшно в этом признаваться, особенно самой себе. Но из этой ситуации только один выход.

Развод.

Ужасное слово, пугающее неизвестностью и болью, но еще больнее стоять рядом с любимым мужчиной и понимать, что только ты его любила.

Сильно, преданно и ни секунды не задумываясь, что существуют еще какие-то мужчины вокруг.

Пусть они красивее, умнее, смешнее, чем мой всегда угрюмый Кирилл, но, кроме мужа, я никого не замечала.

Он был для меня центром Вселенной, а я же быстро пошла под списание, когда перестала удовлетворять его потребности.

– Я не дам тебе развод, даже не думай, – предостерегает мужчина, словно слышит мои мысли, – Ударь, накричи, убей меня, ненавидь до конца дней, но я не отпущу.

– Я и не спрашиваю у тебя разрешение, – качаю головой и все же иду в сторону лестницы.

Душ точно не помешает. Отчаянно хочется смыть с себя все то дерьмо, которое вылили на меня сегодня.

А потом сборы.

Хорошо, что у меня есть квартира. Старенькая, доставшаяся когда-то от бабушки, но все же своя.

И хорошо, что она пустует сейчас, потому что последние жильцы оттуда съехали несколько лет назад.

Ускоряю шаг, когда слышу за спиной тяжелые шаги мужа. Забегаю в ванную и запираю дверь на замок.

– Оля…, – раздается с той стороны, но я включаю полный напор воды, чтобы перекрыть голос мужчины.

Горячий душ не приносит желанного облегчения. Вместо этого я начинаю плакать, подвывая тихонько в ладошку, лишь бы Кирилл ничего не услышал.

Не хочу, чтобы он видел меня такой.

Помятой, испуганной, а теперь еще и зареванной с опухшим от слез лицом.

Хватаю джутовую мочалку с полки, выдавливаю немного геля и начинаю яростно сдирать с себя кожу. Тело тут же краснеет от моих действий, покрывается небольшими царапинами, но меня это не останавливает.

Когда тебе больно настолько, что хочется орать во весь голос, физический дискомфорт практически не ощущается.

Завтра точно на местах ссадин появятся фиолетовые синяки, но мне уже все равно.

Заканчиваю с телом и перехожу к волосам.

Намыливаю, тру пальцами кожу и подставляю голову под струи воды, чтобы смыть пену.

Из душа я выхожу без слез, но с каким-то потерянным состоянием.

Головная боль никуда не уходит, но хорошо, что я храню часть лекарств в ванной. Достаю обезболивающее и запиваю таблетку водой из-под крана.

Обматываю тело большим банным полотенцем и зачесываю назад сырые волосы.

Готово.

Кажется, я мылась целый час, но Кирилл, к сожалению, никуда не ушел.

Снял пальто и обувь, прилег на кровать, но, когда увидел выходящую меня, тут же вскочил на ноги.

– Достань мне чемодан, – отдаю короткий приказ, стараясь не смотреть на мужа, – Он слишком высоко, а стремянка осталась в зимнем саду.

Кирилл сначала никак не реагирует. Молча осматривает меня, задерживается на лице, а потом…

Встает на колени.

Буквально. Падает на колени передо мной и хватает за бедра, прижимая к себе.

– Оля… Я все что угодно сделаю, я расшибусь о стенку, я…

– Не надо, Кирилл, – слезы, которые я проливала в душе, возвращаются с новой силой, – Отпусти.

От влаги на глазах ничего не видно. Горячие соленые капли бурным потоком скатываются по щекам, но я всеми силами пытаюсь выбраться из захвата мужа.

– Я не смогу без тебя. Умру без тебя.

– Это я умерла из-за тебя! – плачу и кричу на него, – В тот момент, когда держала Федю на руках, а эта Мила радостно сообщала, что это твой сын.

– Не отпущу, – продолжает как умалишенный бормотать Кирилл, не обращая внимания на мой плачь.

Убираю руки с его плеч и просто застываю на месте.

Он никогда так не отпустит, если продолжу сопротивляться.

Поэтому я закрываю лицо ладошками и тихо реву, пока Кирилл то сжимает меня, то гладит по спине и ногам.

Он что-то шепчет, целует через полотенце живот, прижимается лицом, но я никак не реагирую.

Постепенно тело накрывает усталостью. Той самой, которая всегда ощущается после стресса.

Сначала организм аккумулирует все силы, чтобы защитить от опасности, а после ты скатываешься в эмоциональную яму.

– Лучше поезжай к своему ребенку, – слезы заканчивают также резко, как начались, и в голосе появляется безразличие.

Пора прекращать этот цирк.

Кирилл, наконец, встает на ноги, но продолжает держать за предплечья.

– Ты простишь меня, – проговаривает мужчина. Медленно, как будто объясняет маленькому ребенку, – Не сразу, но простишь.

Глава 4

Кирилл

Она напоминает глухую стену, которую я никак не могу пробить.

Целую ее, обнимаю, говорю, как люблю.

Черт, я на колени встал!

Но ей все равно – вижу это по глазам.

– Хорошо, – продолжаю говорить с ней аккуратно, проверяя реакцию, – Мы не готовы сегодня к спокойному разговору, но прошу тебя не истерить и тем более не уезжать в никуда ночью.

Вот куда она сейчас поедет?

К дочерям? К своей подружке?

Есть еще вариант – старая квартира в хрущевке, доставшаяся ей от бабки, но там все давно покрылось пылью и забвением.

– Ладно, – неожиданно соглашается Ольга и даже как будто расслабляется в моих руках, – Ты прав. Рубить с плеча – плохая идея.

– Да, верно, девочка моя, – киваю, – Отдыхай, а я попрошу Валю принести тебе успокоительное.

– Оставь меня, пожалуйста, одну, – просит она, и я отступаю на пару шагов назад.

Хорошо, пусть так. Ей надо переварить случившееся, об-

думать самостоятельно и прийти к выводу, что сначала лучше поговорить со мной, мужем, с которым живешь столько лет в браке, чем принимать поспешные решения.

– Я оставлю тебя, а утром мы обязательно поговорим. Хорошо, Оль?

Она все еще избегает смотреть мне в глаза, поэтому подхожу ближе, игнорируя ее попытки отойти, и приподнимаю голову, мягко придерживая за подбородок и вынуждая посмотреть на меня.

Слезы еще не высохли, и ее большие влажные глаза так прекрасны, что я зависаю на несколько секунд, любуясь серо-голубым бездонным озером.

– Я виноват, любимая, но я все объясню и заставлю простить меня.

«Потому что другого выхода у тебя все равно нет», – уже мысленно добавляю и прижимаюсь к соленым от слез губам.

Поцелуй получается холодным, безэмоциональным, но я все равно жадно сминаю ее губы и заставляю подчиниться.

Ольга не отвечает на мои ласки, но мне уже достаточно того, что она не убегает.

С трудом отрываюсь от нее, еще раз окидываю взглядом и выхожу из спальни.

Иду на звуки и на кухне ожидаемо сталкиваюсь с Валентиной.

– Добрый вечер, – здороваюсь из вежливости с женщиной.

А та поворачивается ко мне и смотрит волком.

Так недовольно, с претензией, как будто это я ей изменил.

– А точно добрый? – спрашивает она, и мне приходится проглотить этот выпад в мою сторону, потому что Оля очень любит нашу домработницу, и я не хочу, чтобы жена оставалась одна.

– Принеси Ольге успокоительное, а лучше снотворное, чтобы выспалась, – отдаю приказ, игнорируя вопрос женщины, – Если будет спрашивать, где я, скажи, что не знаешь.

Разворачиваюсь и хочу уйти, как мне вдогонку прилетает:

– Не стыдно?

Застываю на месте, но лишь на секунду, оставляя и этот вопрос не отвеченным.

Уже поздно, но на сегодня осталось еще одно важное дело, которое я не хочу переносить на потом.

Завожу двигатель и с предельно допустимой скоростью мчу в сторону квартиры, которую купил для своего будущего ребенка полтора года назад.

Не для Милы, нет.

Квартира, путевка этим летом на море, лучшие педиатры, кружки, игрушки и мое внимание – все ради Феди, и Ольга должна понять меня.

Я трачу выходные и вечера в будни не из-за Милы, а только чтобы быть с сыном. Полноценно, насколько это возможно.

Мальчикам больше всего нужен отец.

Но Мила…

Докуриваю пачку и по пути покупаю еще одну, потому что по-другому справиться со своей злостью не получается.

Эта истеричная дура сыграла не по правилам. Пришла ведь ко мне домой и непонятно, что наговорила моей жене.

А мы так не договаривались.

Я уделаю время сыну, оплачиваю его жизнь и жизнь его матери, но на этом все.

У одного случайного секса в туалете бара не было продолжения, но девочка зачем-то напридумывала себе нашу семью.

Которой нет и никогда не будет.

***

Сворачиваю в знакомый двор, глушу двигатель и еще минут пятнадцать гипнотизирую окна квартиры, докуривая не помню какую сигарету за день.

Легкие болят с непривычки, и после такой дозы никотина меня точно замучает кашель, но сейчас все это не имеет значения.

Кидаю бычок в урну и захожу в подъезд элитной многоэтажки.

Мне не нужно звонить и стучать. Открываю дверь своим ключом и с порога сталкиваюсь с испуганным взглядом Милы.

Правильно делает, что боится, но скандалы я не собираюсь устраивать. Не при сыне.

– Кирюш? – раздается жалобный голос.

– На кухню, – строго приказываю, раздеваюсь и иду следом за девушкой.

Скандалов не будет, но нам все равно предстоит серьезный разговор, если эта дура забыла наши договоренности.

Не успеваю дойти до стула, как Мила круто разворачивается и падает на колени, сжимая в тиски мои ноги.

Да что ж такое! Сегодня день такой – постоять на коленях?

– Мила! – сердито шепчу на нее, чтобы только не разбудить Федю, – Быстро встала!

– Прости меня, Кирилл, – всхлипывает девушка и не думает меня отпускать, – Я такая дура. Как я могла? Вот как я могла прийти к твоей жене и все рассказать? О чем я думала?

Кое-как вырываюсь из цепкого захвата тонких ручек и ставлю Милу на ноги.

– Успокойся! – трясу ее.

– Давай я поговорю с Олей? Скажу ей все, что ты попросишь? – девушка оживает и за секунду перестает плакать, – Я смогу убедить ее остаться с тобой. Только не бросай нас.

– Села! – все же рявкаю и сам усаживаю девушку на стул.

Отчаянно хочется закурить, но нельзя.

Поэтому я с шумом отодвигаю соседний стул и сажусь напротив.

– Кирюш, я…, – начинает громко Мила, но я тут же цыкаю на нее, потому что из соседней комнаты раздаются кряхтения.

– А теперь, без слез и истерик, рассказывай все, – прого-

вариваю сквозь зубы, – Зачем ты пошла к моей жене? Чего добивалась?!

– Я знаю все наши договоренности, – начинает девушка, – Знаю, что мне нельзя любить тебя, но я ничего не могу поделать с собой. Ты появляешься здесь пару дней в неделю, а потом уходишь к ней! – все же она срывается на крик, вскакивая на ноги, – Ты ложишься с ней в одну кровать, ты целуешь ее, занимаешься сексом! Это все невыносимо, Кирилл!

– Прекрати! – пытаюсь убавить тон ее голоса, но Мила все же впадает в истерику и не обращает на меня никакого внимания.

Такое впервые, и я моментами теряюсь.

Мила всегда была рассудительной. С первой нашей встречи, не считая туалета бара, она сама четко нарисовала границы.

Ей нужны были содержание и жилье, чтобы спокойно воспитывать сына и не переживать за его будущее. Взамен она не лезет к Ольге и не претендует на меня.

Но я был кретином, раз поверил.

– Это ты прекрати! – продолжает кричать девушка, не замечая плач в соседней комнате, – Чем она лучше меня? Вот чем? Я моложе, красивее, я лучше в постели, чем она! Твоя Ольга скоро старой бабкой станет, а я все еще…

Ударяю кулаком по столу, мгновенно затыкая ее, и ухожу в детскую, где напуганный Федя уже бьется в своей истерике.

Тут же беру его на руки и начинаю укачивать.

Сын долго не замолкает, кричит, что-то неразборчиво бормочет на своем детском языке, но спустя полчаса попыток мне удается его успокоить.

Смотрю на это невинное личико и понимаю, что я предал не только Ольгу. Под удар попал еще и ребенок, который не виноват, что у него такой отец.

Что теперь делать? Как не потерять и любимую женщину, и сына?

Сжимаю челюсти до скрежета в зубах, но продолжаю крепко обнимать теплое, вкусно пахнущее тельце.

Глава 5

Кирилл уезжает, и я сразу приступаю к сборам.

Усмехаюсь про себя, когда понимаю, что теперь не нужно гадать, где муж и почему задерживается.

Успокоил одну ревущую бабу и тут же помчался к другой.

Удобно устроился, не спорю.

Но пора это прекращать.

Сама кое-как дотягиваюсь до верхней полки в гардеробной, достаю большой черный чемодан, который мы часто брали с собой в семейные путешествия, и начинаю скидывать в него все свои вещи не глядя.

Украшения, шубы, дорогие шмотки оставляю. Кирилл же так трясется за свое имущество, по словам Милы.

Вот пусть не переживает. До нитки его не обдеру.

Смахиваю слезу, вспоминая слова этой женщины. В какой момент наша любовь превратилась в страх за свои деньги и бизнес?

– Оленька? – раздается вопросительный голос Валентины.

Женщина стоит в дверях гардеробной комнаты и осматривает хаос вокруг.

– Валя, я уеду. Только не говори ничего Кириллу, – прошу ее и не прекращаю паковать вещи.

– Оль, я тут успокоительное принесла. Выпей, – с жалостливым голосом продолжает женщина, – Или хочешь, я пять-

десят грамм коньяку принесу?

Качаю головой, отказываясь от алкоголя, но выпиваю до дна принесенное успокоительное.

Крепкое мне сейчас нельзя – голова должна быть ясной, а спиртное на фоне сильного стресса может сыграть со мной злую шутку.

Отставляю стакан на столик и возвращаюсь к одежде. Складываю все компактно, умещая свою жизнь в одном чемодане и дамской сумке.

Конечно, какие-то вещи придется забирать во второй заход. А еще мои цветы.

Оставлять их Кириллу или этой Миле, которая совсем скоро может сюда переехать в качестве новой хозяйки – я не собираюсь.

Но сейчас, когда на дворе уже ночь, а муж может вот-вот вернуться, я сбегаю с тем, что могу унести в руках.

– Может не надо? – тихо спрашивает Валентина, которая и не думала уходить, – Вот так просто сдашься и подаришь какой-то малявке своего мужа?

Первая реакция на слова женщина – злость.

Да кто она такая, чтобы советовать мне подобное? Ей изменяли? Ее унижали малолетней любовницей? Ее муж заводил семью на стороне?

Внешне я ничем не выдаю себя и начинаю мысленно считать до десяти. Неплохо способ, чтобы не наговорить ничего сгоряча.

Валя мне не чужая, и в ее советах всегда была мудрость и искреннее желание помочь.

– У него там семья, Валь, – хрипло отвечаю ей, – Маленький сын и его прыткая мамаша. Я здесь лишняя.

– Но любит он тебя, Оль.

– Любит? А ты уверена в этом?

– Я за вами наблюдаю уже очень много лет, – аккуратно проговаривает женщина, своим успокаивающим тоном сдерживая мою агрессию, – Он тебя не отпустит. Никогда.

Молчу и поворачиваюсь спиной к женщине, всем своим видом показывая, что разговор окончен.

Не могу я сейчас нормально рассуждать и спорить.

***

Приложение такси показывает, что машина приедет через три минуты. Она уже на повороте в поселок, поэтому я позволяю себе еще раз окинуть взглядом дом, который бесконечно люблю.

Здесь было столько радости и смеха, детского визга, наших с Кириллом счастливых голосов.

Еще утром я завтракала и любовалась снегом за окном. Пересаживала цветы, готовясь к весне. Ждала мужа с работы, чтобы покрепче обнять.

А сейчас стою на улице и дрожу то ли от февральского ветра, то ли от ужаса всего происходящего.

Такси приезжает ровно через три минуты, как и обещало приложение. Отдаю водителю сумки и в последний раз смот-

рю на теперь уже не мой дом.

– Переезжаете? – с любопытством спрашивает мужчина, как только мы садимся в машину.

– Да, – отвечаю коротко и сразу отворачиваюсь к окну.

Желания мило болтать с этим мужчиной у меня нет. И чем дальше мы от поселка, тем хуже мне становится.

Сначала возвращаются те противные волны жара, словно у меня температура. Дрожь усиливается, хотя в машине тепло. И чертовы слезы, которые все никак не заканчиваются.

Добивает меня звонок Зои – моей школьной и самой близкой подруги.

– Оль, ты завтра идешь на танцы со мной? – радостно спрашивает женщина, еще не подозревая, что мне не до танцев.

– Зой…, – тут же всхлипываю в трубку и начинаю тихонько плакать, игнорируя странные взгляды таксиста.

– Оля? – чувствую, что подруга в ступоре.

– Кирилл мне изменил, – начинаю вываливать на нее все случившееся, – Ко мне сегодня пришла его любовница с ребенком… С сыном Кирилла… Зой, он… я не знаю, что мне делать.

Речь сбивается, и у меня с трудом получается сказать что-то вразумительное.

Зажимаю рот рукой, чтобы не начать выть во все горло при чужом человеке.

Подруга молчит, но по тяжелым вздохам я понимаю, что

она переваривает информацию.

– Ты где сейчас?

– Сбежала из дома, пока Кирилл уехал… к этой. Еду в бабушкину квартиру, – собранный голос Зои помогает и мне немного успокоиться.

– Хорошо, я тоже еду туда, – бодро отвечает подруга, и мы прощаемся.

***

Стою на пороге квартиры, которую мне когда-то завещала бабушка, и не могу сдвинуться с места.

Здесь все покрылось толстым слоем пыли, а еще этот запах…

Старых и никому не нужных вещей.

Когда-то здесь жила семейная пара, которая снимала у меня эту квартиру за небольшую сумму. Но два года назад они съехали, и с тех пор я так и не нашла новых жильцов.

Продавать жалко – все-таки память о родном человека. Но маме эта квартира не нужна, они еще лет пять назад переехали в Краснодар, в более теплый климат, потому что папа терпеть не может московскую серость и холод.

Думала передать квартиру Ульяне, но Кирилл отмахнулся и купил дочери двушку в новом доме.

Оказалось, все не зря, и это место простаивало не просто так.

Грязно, ветхо, уныло – как бы ужасно здесь не было, теперь это мой новый дом.

Поэтому я заставляю себя снять пальто и прохожу прямо в обуви в гостиную, чтобы осмотреться.

Первая реакция – невыносимо. Как же мне невыносимо…

Хочется упасть на пыльный диван, свернуться калачиком и завыть от тоски.

Но мне не дают.

Телефон начинает разрываться сначала сообщениями, а потом и звонками.

Настойчивыми таким, непрекращающимися. И я знаю, кто так отчаянно пытается мне дозвониться.

Достаю смартфон из сумки и зависаю на экране, где высвечивается имя мужа.

Кирилл.

Глава 6

Сбрасываю вызов, но этот неугомонный набирает вновь. Он звонит и звонит, а потом начинает написывать в мессенджере то ли с угрозами, то ли с мольбой ответить ему.

Не выдерживаю и добавляю его номер в ЧС.

Я не готова ни к каким разговорам, а Кирилл тем более.

Он думает, что все можно исправить, что я проглочу его измену и прощу, потому что очень сильно люблю его.

Да, люблю и до сих пор, несмотря на предательство. Потому что невозможно разлюбить за секунду.

Но любить не значит прощать. Это так не работает.

Закидываю телефон обратно в сумочку и еще раз осматриваю всю квартиру.

На одну уборку здесь можно потратить недели, но по-хорошему каждая комната требует ремонт. Полы надо поменять, сантехнику, обои везде разрисованы детьми прошлых жильцов.

На дворе ночь, а я нахожу старое ведро, еле живые тряпки и начинаю оттирать поверхности от пыли. Соседи, наверное, рады моей активности, но уборка – лучшее лекарство во все времена.

Чтобы не сидеть и не реветь тут, пока жду Зою, я успеваю вытереть стол и кухонный гарнитур. Проветриваю каждую комнату, вытравливая тухлый запах, и все-таки падаю без

сил на тот самый пыльный диван в гостиной, на котором еще час назад хотела заливать слезами свое горе.

Когда приезжает Зоя, я еле дополза до прихожей и открываю ей дверь.

Подруга оперативно заходит в квартиру и вручает мне огромный пакет, и, судя по характерному звону, мы не чай будем пить.

– Продукты на кухню, а я пошла в ванную руки мыть, – быстро отдает приказ женщина и ловко находит нужную дверь.

Люблю Зою за ее оптимизм с щепоткой реализма. Не помню, чтобы она когда-нибудь ныла и мне не давала.

Поэтому я бодро отношу продукты на кухню, начинаю все раскладывать по тарелкам, которые успела предварительно сполоснуть, мою фрукты и ставлю получившиеся закуски на стол.

Такие простые «шевеления» с уборкой и готовкой помогают мне не думать, что где-то там у моего мужа есть внебрачный сын.

– Ну рассказывай, – возвращается Зоя и усаживается на свободный табурет.

Сажусь вслед за ней и не спрашивая тянусь к бутылке коньяка. Без этого я точно не смогу ничего рассказывать.

Подруга тут же подхватывает мое настроение и подставляет две чашки.

– Я пересаживала цветы, – начинаю с самого начала, пред-

варительно глотнув янтарной жидкости, чтобы немного расслабиться, – И вдруг заявилась какая-то размалеванная девушка с ребенком. Она представилась Милой, а мальчик… Его зовут Федя, как отца Кирилла.

Свекра с нами не стало три года назад. Сердце.

Муж не показывал, но я все чувствовала и без слов. Уход отца стал настоящим ударом, поэтому неудивительно, что Кирилл назвал сына в честь него.

Сына…

Сглатываю огромный ком в горле и тянусь к своей кружке с коньяком.

– Оль, ты закусывать только не забывай, – взволнованно говорит подруга и пододвигает мне колбасную нарезку.

Отправляю кружочек салями в рот, потому что и правда без закуски я уже после первой рюмки свалюсь без чувств.

Стресс плюс усталость, а еще последний прием пищи был очень давно.

– И вот, – продолжаю, – Не представляешь, Зой, с какой радостной улыбкой она мне сообщала, что Федя – сын Кирилла, и они живут как семья уже больше года.

– А ты, надеюсь, ее вышвырнула из дома? – вспыхивает подруга.

– Не смогла, – тихо признаюсь, – Я сначала не поверила. Где мой Кирилл, а где эта размалеванная девица?

– Плохо ты знаешь мужчин, Ольга, – с вздохом констатирует женщина, – У тебя же первый и единственный всегда

был Кирилл.

– Теперь я с тобой согласна, – с грустью улыбаюсь ей.

– И как эта шлюшка убедила тебя? Фото показала?

– Да, – киваю, – Фото из роддома, Кирилл с ребенком на руках… А потом…, – сглатываю все тот же ком, который никак не хочет уходить, – Она набрала номер Кирилла на своем телефоне, и муж ответил…

Залпом допиваю остатки коньяка, морщусь, но наливаю себе вторую порцию.

Завтра у меня точно адски будет болеть голова, но сегодня по-другому я не могу.

– Вот же старый блядун! – вскрикивает Зоя и тоже наливает себе, – А девка его что из себя представляет?

– Мила, – тут же морщусь, стоит только произнести это имя, – Лет двадцать-двадцать пять, почти ровесница моей Ульянки. Вся такая… раскрашенная, с цветными прядями в волосах, с ярким макияжем. С виду невинная овечка, глазками хлопает, но в этих самых глазках все предельно ясно написано.

– Ага. Знаем таких, – корчит брезгливую гримасу подруга, – Только ты, Оль, не расслабляйся. Эта малолетка тебе еще покажет. Больно прыти в таких много.

– Но зачем я ей? – искренне удивляюсь, – Я в тот же вечер ушла из дома. Подам на развод и мешать не буду.

Даже если Кирилл мне жизнями дочерей поклянется, что больше никогда, мальчика все равно никуда не деть.

Он и Мила так или иначе будут присутствовать в моей жизни, а я это не выдержу.

– Подашь, – с иронией в голосе реагирует Зоя, – А твой Кирилл ЗАГС на бульдозере снесет. Если он об измене и ребенке сразу не сказал, то и разводиться с тобой не собирается. Не любит он эту Милу, а девка это понимает. Вот и пришла к тебе.

– Слабо верится – возражаю, – Она молодая, красивая, если нормально приодеть. Еще наследник этот… Самое то для мужика со статусом.

– Открою тебе сейчас Америку, – со смешком отвечает Зоя, – Но Кирилл тебя любит. Что в одиннадцатом классе, что сейчас. Взгляд все тот же, и со стороны это прекрасно видно.

– Ага, так любит, что ребенка от другой заделал и молчал, – бурчу, отпивая коньяк.

Алкоголя уже выпито прилично, и тело постепенно погружается в тягучую эйфорию. Только тяжелые мысли не спешат покидать голову.

– Это мужики. Они сначала делают, а потом думают.

– Вот пусть сидит один и думает.

– Ставлю косарь, что сидеть без дела он точно не будет. Если не сейчас, так с утра жди своего благоверного на пороге, – усмехается Зоя и закидывает в рот оливку.

А мне не смешно.

Кирилл правда не сдается, и блокировка номера его не

остановит. А еще он прекрасно знает адрес этой квартиры.

И словно в подтверждение в дверь кто-то начинает звонить.

Обе замираем на месте и прислушиваемся к звукам из подъезда.

– Хоть бы соседи, – испуганно бормочу я.

– Точно он.

В дверь уже не просто звонят. Когда раздается стук, а потом разъяренный голос начинает орать «Оля», я понимаю, что мы сейчас устроим неплохое шоу для соседей.

– О господи…

– Я открою. Сиди.

Зоя тут же вскакивает и скрывается в коридоре, оставляя меня, трусиху, прятаться на кухне.

Глава 7

– Ольга где? – рявкает Кирилл и даже не здоровается с Зоей.

Такой у него характер. Жесткий, наступающий и не терпящий возражений.

Однако Зоя тоже не из робких, и с моим мужем подруга просто обожает спорить.

– В Караганде, – с сарказмом отвечает женщина, – Тебя сюда кто-то звал?

Пока эти двое мило общаются в коридоре, утоляя любопытство соседей, я сижу на кухне, как мышка, вжимая голову в плечи.

Выйти все равно придется, потому что Кирилл не знает слова «нет».

Тянусь за своей чашкой с коньяком и осушаю ее до дна, потому что по-другому я сейчас не в состоянии воспринимать мужа.

– Ольга! – тем временем кричит он, пытаясь пробиться через подругу.

Встаю. Делать нечего.

Кирилл не уйдет и продолжит орать. Я его знаю.

Кое-как переставляю ноги и пошатываясь выхожу к этим двоим, которые уже в рукопашную готовы драться. Зоя загораживает всем телом проход, а Кирилл над ней нависает

и пыхтит.

– Уходи, пока полицию не вызвала! – ругается на него женщина.

– Вызывай!

– Зой, пропусти его, – устало бормочу я.

Кирилл тут же цепляется взглядом за меня, а подруга молча отходит в сторону, недовольно поджимая губы.

– Ты пила? – удивленно реагирует мужчина, чем только веселит меня.

Все-таки коньяк ударяет в голову, и я начинаю глупо хихикать, не обращая внимания на грозный взгляд мужа.

– Ну я пойду, – ретируется подруга, махнув на нас рукой.

– Оль, – уже мягче проговаривает Кирилл и оперативно подхватывает меня, когда я начинаю заваливаться на бок в попытке надеть сапоги.

– Иду-иду.

Уворачиваюсь от его рук и натягиваю пальто.

Становится нестерпимо жарко в квартире, поэтому я хватаю Кирилла под локоть и увожу на свежий воздух.

Выходим на улицу, и я тут же падаю на старенькую скамейку у подъезда.

– Поехали домой.

Мужчина садится рядом и пытается приобнять меня, якобы защищая от холода. Резко дергаюсь и стряхиваю его руки с себя.

Трезвость, как и опьянение, приходит ко мне также быст-

ро. Стоит только оказаться на морозе, и я теряю былое веселье, окунаясь в тоску.

– Дома больше нет, – грустно констатирую, рассматривая носки своих сапог.

Потому что моим домом было не место. Домом долгие годы был Кирилл.

Однушка за МКАДом, куда мы переехали после свадьбы и где активно травили то клопов, то тараканов. Квартира побольше уже в Москве, когда родилась Катя.

Потом была еще одна квартира, и, наконец, коттедж в неплохом таком поселке с благоустроенной территорией.

Мы жили много где, но всегда вместе. Вот это было моим «домом».

– Есть, – не унимается мужчина, – И всегда будет.

– Скажи, – еле слышно шепчу, – Почему ты мне изменил?

Наверное, это один из самых унизительных вопросов в мире. Но я его задаю и ожидаю услышать от мужа правду.

Постарела, стала капризнее, наскучила, перестала возбуждать, удовлетворять в постели, приелась – в голове возникало миллион мыслей, пока Кирилл медлил и обдумывал свой ответ.

– Я не хотел этого, – все же выдает мужчина после долгих секунд молчания, – Я не контролировал себя в эти минуты.

– Не контролировал? – усмехаюсь, поражаясь своей выдержке.

– Я был пьян и не понимал, что творю, – хмуро продол-

жает муж, – А когда понял, было уже поздно. Оль, я…

– И сколько вы вместе?

– Нисколько. Мы никогда не были вместе в том смысле, который ты сейчас представляешь в своей голове.

– Но ты ездишь туда. И часто.

– Там мой сын.

Сын.

То, что я боюсь даже больше, чем любовницу.

Мила не моя соперница в этой истории, но Федя…

Ребенок, которого Кирилл никогда не оставит. А там, где сын, там и Мила всегда будет.

– Я не смогу это принять.

– Вы никогда больше не встретитесь.

Святая простота!

Не ожидала, что мой муж такой наивный. Думает, что контролирует ситуацию, но на деле даже не замечает, как все вокруг него рушится.

– Достаточно того, что мы уже встретились, – начинаю злиться.

– Я не смогу оставить Федю, но Мила для меня ничего не значит, – продолжает этот упертый и похоже тупой баран.

По-другому я не могу объяснить мысли своего мужа.

– И как ты хочешь? – все-таки вспыхиваю, повышая голос, – Жить со мной дальше, словно ничего не было, по субботам устраивать ужины с дочерями, а по воскресеньям катить коляску с сыном и Милой под ручку в парке? Удобно

устроился, не находишь?

Вскакиваю и начинаю ходить туда-сюда, чтобы немного унять ярость внутри.

Самое удивительное, что Кирилл и вправду именно так представляет нашу жизнь. По четным дням одна семья, по нечетным – другая.

– А что ты мне предлагаешь? – в ответ взрывается Кирилл, – Оставить любимую женщину здесь, в этом клоповнике? Еще скажи, развестись? Так, мне это надоело! Поехали!

Мужчина тоже встает, хватает меня за руку и начинает тянуть к машине.

– Отпусти!

– Ничего, – муж словно сам с собой разговаривает, – Возьму отпуск и залюблю тебя так, что ты простишь.

– Дурак? – злюсь еще сильнее, – Это так не работает!

– У меня сработает.

Кирилл тащит уверенно, нигде не запинается, пока я буксую на каблуках.

На первом этаже загорается свет, кто-то уже вышел на балкон и орет на нас за шум.

Мда. Отличное знакомство с соседями.

Но я подумаю об этом с утра. А пока нужно вырваться из захвата мужа. Еще чуть-чуть, и он затолкает меня в машину без шансов выбраться.

– Эй! – боевая подруга прибегает очень вовремя, – Павловский, совсем сдурел?

Зоя подлетает к нам вмиг и начинает колотить Кирилла.

– Зой, лучше не лезь в нашу семью, – огрызается он на нее.

Не знаю, откуда нахожу столько сил. Видимо, слово «семья» становится для меня последней каплей.

Резко дергаю свою руку и вырываюсь.

– Семья? – отвечаю мужчине, – Никакой семьи больше нет! Ты слышишь меня?! Я развожусь!

Глава 8

– Что?..

Кирилл выглядит таким потерянным из-за моих слов о разводе, что мне на секунду становится его жалко.

Но только на секунду, которая очень быстро проходит.

Потому что в этой ситуации он – последний человек, кого я буду жалеть.

– Ты все правильно услышал, – отвечаю сухо и спешу прижаться к Зое, потому что меня опять начинает колотить.

Больше никакого алкоголя, иначе эти скачки настроения доведут меня быстрее.

– Развода не будет, – пытается возразить Кирилл, не воспринимая мои слова всерьез.

– Других вариантов у нас больше нет, – грустно заключаю и тяну подругу скорее в подъезд, пока муж не предпринял еще одну попытку затащить меня в машину.

Кажется, погода чувствует мое настроение, и ветер, который сначала просто трепал волосы, теперь сбивает с ног.

Возвращаюсь в квартиру, не глядя скидываю с себя пальто и падаю на диван в гостиной.

Сил больше нет.

Ни моральных, ни физических.

– Я так не могу, Зой, – начинаю откровенно выкладывать все, что у меня на душе, – Как он не понимает, что измена

– это конец?

– Он просто пока это не осознал.

– Не осознал, – бурчу себе под нос, – А мне что делать?

– А тебе ложиться спать, Оль, – мягко советует женщина и достает из пакета с логотипом популярного супермаркета большой пушистый плед, – Тебе силы пригодятся. Много сил. Потому что Кирилл так просто развод не даст, а его эта Мила еще покажет себя во всей красе. Лишь бы избавиться от тебя.

– Да ну, бред, – качаю головой, – Я, считай, ей красную ковровую дорожку постелила своим уходом. Полный карт-бланш.

– Ага, – усмехается Зоя и подходит к окну, что-то разглядывая в ночи, – Только Кирилл не спешит к ней с кольцом и цветами. Вон у твоего подъезда ошивается. Не уезжает.

Тут же вскакиваю с дивана и подбегаю к окну.

И правда. Никуда не уехал. Стоит, опираясь на свою машину спиной, и курит.

Даже с третьего этажа я вижу красный огонек на кончике сигареты, который становится только ярче, когда мужчина делает затяжку.

Словно в замедленной съемке, Кирилл выпускает густой дым в воздух, запрокидывая голову, а потом переводит взгляд к моему окну.

Встречаемся глазами и долго гипнотизируем друг друга.

Настолько долго, что Зоя успевает попрощаться со мной

и уехать.

А вот Кирилл не уезжает и как будто не собирается, всем своим видом показывая, что не отстанет.

Не знаю, сколько еще продолжаются наши гляделки, но я не выдерживаю первая.

– Ты делаешь мне только хуже этим, – шепчу в пустоту, но муж, кажется, читает меня по губам.

Резко выкидывает бычок куда-то в сугроб, садится в машину и исчезает в темноте ночи.

***

Утро начинается ровно так, как я предсказывала.

Головная боль, полная растерянность и долгое осознание происходящего.

Как будто мозгу требуются минуты на воспроизведение в памяти всех событий вчерашнего дня.

И первая реакция – нет, этого не может быть. Я аж вскакиваю с дивана, но тут же хватаюсь за голову, чтобы унять пульсацию в висках.

Кое-как дохожу до кухни и выпиваю несколько стаканов воды. Хорошо, что Зоя позаботилась о минералке, иначе я бы умерла от засухи или пила вонючую водопроводную.

Жадно расправляюсь с бутылкой, умываю лицо и постепенно оживаю.

Хочется продолжить уборку, потому что при свете дня квартира выглядит еще хуже. И я даже хватаю тряпки, набирая воду в ведро и возвращаюсь в гостиную, чтобы вымыть

окно.

А потом резко останавливаюсь посреди комнаты.

– Какое еще окно, Оля? – ругаю саму себя вслух, отставляя ведро. Вода в нем начинает подпрыгивать, и несколько крупных капель попадают на пол.

Уборка – это последнее, чем я должна сейчас заниматься.

Мне изменил муж, мы разводимся и надо подать заявление, а еще дочки…

Они ведь ничего не знают.

Как сказать Кате? У нее ребенок на руках, она кормит, и ей нельзя нервничать.

А Ульяна? Она у нас девочка боевая, сильная, вся в отца характером, но вряд ли новость о разводе родителей ее обрадует.

Самое страшное, что они уже взрослые, и правду о нашем резком расставании не скроешь.

Только вот измена отца – полбеды. Не представляю, как они воспримут наличие младшего брата.

Младшего брата…

Сильно зажмуриваюсь, вспоминая невинное личико Феди.

Не буду скрывать и лицемерить – к ребенку я испытываю только ненависть. Жгучую, с примесью ревности.

Кажется, я Милу меньше ненавижу, чем ее ребенка.

Это неправильно, некрасиво и так нельзя, потому что шестимесячный малыш – такая же жертва в этой истории.

Он не несет ответственность за своих родителей.

Но я вспоминаю этот любопытный детский взгляд, когда я держала его на руках, и непроизвольно впиваюсь ногтями в ладони.

Возвращает меня в реальность телефон, который резко начинает вибрировать.

На экране высвечивается неизвестный номер, и это могут быть банки, мошенники или соцопрос.

Кто угодно.

Интуиция кричит не отвечать, сбросить вызов и заблокировать этот контакт, но я все же подношу телефон к уху.

– Слушаю.

– Оля? – раздается писклявый девичий голосок.

И откуда только она узнала мой номер?

Хотя понятно откуда. Нашла в телефоне Кирилла.

– Что тебе еще от меня нужно? – стараюсь говорить спокойно и строго.

Второй раз ей меня не довести.

– Мы можем встретиться?

– Нет.

– Оль…

– Я тебе не «Оль», – чеканю каждое слово, – Забудь меня и этот номер.

Надо бы завершить звонок, добавить ее в черный список, где уже находится номер мужа, но меня останавливает жалобный всхлип.

– Простите меня, – ревет девушка, – Я всю ночь не спала, вспоминая ваши глаза. Я… Я так виновата. Кирилл любит вас, а я…

– Это все? – пресекаю дальнейшую истерику.

– Прошу вас, – не унимается Мила, – Давайте встретимся, и я все вам объясню. Кирилл не виноват, это я все подстроила.

Наверное, я совершаю огромную ошибку, о которой буду жалеть.

– Сегодня в четыре в кофейне недалеко от Рижского вокзала. Адрес пришлю по смс.

Глава 9

На встречу с любовницей мужа я готовлюсь основательно.

Рисую стрелки, подкрашиваю губы красной помадой, нахожу в чемодане трикотажное платье молочного оттенка ниже колен и даже успеваю сотворить на голове некое подобие укладки.

Почему наряжаюсь?

Не хочу выглядеть бедной и несчастной, какой я ни за что не дам себя сделать в этой истории.

Кроме того, я ни на секунду не поверила в слова девчонки про «Кирилл не виноват», «это я все подстроила». Еще вчера, только взглянув на это ангельское личико, я поняла, что за сладким образом Милы скрывается что-то нехорошее.

Она не из благих намерений появилась на пороге моего дома. Не просто так тащила за собой маленького ребенка и вручала его жене своего любовника.

Зоя права, эта малолетка ведет какую-то игру против меня, поэтому весь мой образ говорил, что я тоже умею давать отпор.

***

До встречи остается еще полчаса, но я прихожу заранее. Занимаю столик у большого панорамного окна и заказываю чай с мятой.

Волнуюсь ли я?

Не буду лукавить, эта девчонка меня напрягает.

Ее голос, этот приторный аромат духов, разукрашенное лицо, а еще непрошенные сцены в голове, где она вместе с моим мужем.

Как Кирилл ее обнимает, целует, проводит с ней ночи…

Сколько раз он говорил мне, что уезжает в командировку, а сам был с ней?

Последняя мысль ранит сильнее, и я, вернувшись в реальность, понимаю, что слишком крепко сжимаю в руках чашку с горячим чаем.

Отставляю кипяток подальше от себя, пока не пролила, и именно в этот момент в кофейню заходит Мила.

Она не видит меня, мотая головой по сторонам, а я пользуюсь возможностью и получше рассматриваю ее.

Все такая же безвкусно яркая, в кислотно-желтой куртке, со своими цветными прядями в волосах. А еще в узких джинсах, которые отлично подчеркивают ее длинные стройные ноги.

Она красивая, если убрать всю эту мишуру, с идеальной фигурой. Молодая.

Глупо это не признавать.

– Ольга! – девчонка все-таки замечает меня и приветственно машет, словно мы с ней подруги.

Во рту тут же появляется какая-то горечь, и я непроизвольно кривлюсь.

– Здравствуй, – здороваюсь безэмоционально и еще

несколько секунд наблюдаю, как Мила снимает куртку, поправляет прическу и помаду на губах, разглядывая себя в маленьком зеркальце.

Терпеливо жду, и вот, наконец, девушка переводит свои глаза с длинными ресницами на меня.

– Федя с Кириллом, и у меня есть буквально час, – она прицельно бьет под дых и внимательно следит за моей реакцией.

Не знаю, откуда берутся силы, но я даже улыбаюсь ей в ответ.

– Кирилл – хороший отец.

– Да, мне с ним повезло, – соглашается девушка.

Наше общение медленно, но верно превращается в раунд на боксерском ринге. Только вместо кулаков мы используем слова.

– О чем вы хотели поговорить?

Тянусь к своей чашке и делаю глоток чая, чтобы перевести дух.

– О вашем разводе с Кириллом.

– А как же «Кирилл не виноват, это я все подстроила»?

Отчаянно хотелось верить, что это правда. Вдруг она опоила чем-то моего мужа или просто одурачила, навязав чужого ребенка.

Но так бывает только в сопливых мелодрамах, и ехидная ухмылка Милы подтверждает, что это был лишь предлог встретиться со мной.

– Кирилл и правда не виноват, что захотел меня в тот вечер, – новый удар, но и его я выдерживаю.

– Я за вас рада, – подыгрываю ей.

– А я лишь сделала все, чтобы этот голодный до ласки мужчина заметил меня, – продолжает эта маленькая шлюшка, – А потом… Не представляешь, как я скакала от счастья, когда тест показал две полоски. Такой мужик и с первого раза заделал мне ребенка.

Дыши, Оля.

Мне не хочется плакать, нет. Скорее я держусь, чтобы не накинуться на нее и не вырвать наращенные ресницы, которыми она постоянно хлопает.

– А от меня ты что хочешь? Развод? Я подам заявление в ближайшие дни. Не буду мешать вашему счастью.

– Спасибо тебе за понимание, – девушка одаривает меня фальшиво милой улыбкой, – Я сначала переживала, что ты вцепишься в него. Ну знаешь, остаться одной в твоем возрасте, стареть никому не нужной. Но вижу, что ты умная и рассудительная.

– А ты наглая и бестактная.

– Что поделать, – пожимает плечами она, – Приходится вертеться в этом мире.

– Ага и раздвигать ноги перед женатыми мужчинами, которые годятся тебе в отцы.

– Да, – кивает, – Но перед Кириллом я с удовольствием раздвигаю ноги. Каждый раз, когда он приезжает ко мне. У

него такой дикий взгляд… ммм… Давно не даешь ему?

Рука дергается к чашке, но я вовремя сдерживаю себя. Хочется взять весь чайник с кипятком и вылить ей на лицо.

– А ты, видимо, плохо даешь, раз он все это время возвращался ко мне в постель.

– Он просто боялся, что в случае развода ты начнешь делить имущество. Вот и продолжал изображать примерного мужа.

Она меня унижает и думает, что я расплачусь и убегу. На деле же я чувствую внутри себя лишь ярость.

Наклоняюсь над столиком ближе к девушке, улыбаюсь и отвечаю:

– Правильно боится. Спасибо за встречу и этот откровенный разговор. Теперь я сделаю все, чтобы ни ты, ни твой сын не получили ничего в случае нашего развода.

Глава 10

Ольга

– Правильно боится. Спасибо за встречу и этот откровенный разговор. Теперь я сделаю все, чтобы ни ты, ни твой сын не получили ничего в случае нашего развода.

Это раунд завершается со счетом один – ноль в мою пользу.

Мила тут же теряет весь триумф в глазах, сжимается и смотрит на меня волком. С обидой и лютой ненавистью.

Вот теперь она не притворяется, не прячет свои настоящие эмоции и выглядит так, будто собирается наброситься на меня.

Надо бы уходить, потому что разговор окончен, но я позволяю себе откинуться на спинку кресла и с коварной улыбкой понаблюдать за девчонкой.

– Вы не сможете, – бормочет она.

– Неужели?

Мила молчит, потому что больше сказать нечего.

Мы не заключали с Кириллом никаких соглашений и брачных контрактов, поэтому половина его денег автоматически может стать моей. Как и половина фирмы, которую наш развод с разделом имущества быстро разорит.

Тогда останется Мила с престарелым дядей и малолетним сыном. Без тех воздушных замков, которые она успела нари-

совать себе.

А вообще мне все это надоело.

Чем я занимаюсь? Трачу время на любовницу мужа, когда могла бы убираться в квартире дальше или встретиться со своими дочками.

У меня тоже есть дети. Пусть они давно выросли, но я обязана их защитить и рассказать обо всем.

Резко встаю, хватаю с вешалки пальто и начинаю одеваться, пока Мила не очнулась и не продолжила вываливать на меня гадости.

– Кирилл все равно сделает так, чтобы у меня и Феди было все самое лучшее, – вдруг выдает девица, пока я заказываю такси.

– Не сомневаюсь.

– А вы должны поскорее развестись и не мешать нам.

Заладила!

Я уже готова хоть сейчас бежать в ЗАГС, лишь бы они перестали меня мучить.

– Хорошо, – поддакиваю ей и собираюсь уходить, потому что машина вот-вот приедет.

Но сдвинуться с места мне не дают.

Мила резко хватает меня и впивается своими когтями в кисть моей руки.

Сильно, до крови и шока в моих глазах.

Недавняя растерянность на лице девушки сменяется кровожадностью.

– Ты не поняла еще, – шепчет она, – Кирилл мой, а ты…

– Отпусти! – шок быстро проходит, и вот я уже грубо толкаю ее назад, вырывая руку из цепкого захвата.

Бегу к двери, стараясь не обращать внимания на удивленные взгляды персонала и остальных посетителей.

Но шоу, к сожалению, на этом не заканчивается.

– А ты, старая дура, только попробуй забрать у моего сына то, что положено ему по праву! – кричит мне вслед девушка, – Будешь вредить моему ребенку, я наврежу твоим!

Не реагирую и выхожу из кофейни. Такси тут же останавливается прямо у заведения, и я на лету прыгаю в машину.

Я, действительно, дура. Надо было включить диктофон и записать весь бред этой сумасшедшей, но кто же знал, что я окажусь в таком сюре.

Она угрожаем моим дочерям?

Кажется, я все больше полна решимости развестись, чтобы избавиться от этой грязи.

Мила

Дверь за ней закрывается, и только после этого я позволяю себе расслабиться и выйти из образа.

Ольга, Ольга…

Она еще не понимает, с кем связалась.

И я бы не лезла к ней, если бы не Кирилл.

Я наивно верила, что молодого упругого тела и кротких взглядов достаточно, чтобы сразить наповал этого мужика. Он ведь так жадно смотрел на меня в тот вечер, облизывал

с ног до головы и не отрывался.

Он трахал меня так, что тело до сих пор помнит его силу и напор. Он был голодным, а потом…

Я все списывала на беременность, трудные роды и первые месяцы малыша.

Думала, что надо восстановиться и похудеть, чтобы он снова захотел меня.

Но нет.

Кирилл больше не смотрел на меня. Никак.

И во всем была виновата его чертова жена!

Не выдерживаю и со всей силы ударяю ладонями по столу, заставляя пустую чашку подпрыгнуть со звоном. Ко мне тут же прибегает испуганный официант.

– Девушка, если вы не успокоитесь, мы вызовем охрану, – щебечет паренек.

– Я спокойна! – грубо отвечаю ему, – Лучше посуду убери и принеси мне капучино.

– На коровьем или альтернативном молоке? – с дежурной улыбкой выдавливает он.

Парнишка бы с радостью выгнал меня отсюда, но регламент не позволяет. Гость может хамить, лапать тебя, но ты всегда улыбаешься и обслуживаешь его.

Вспоминаю свою работу официанткой и содрогаюсь. Больше никогда я туда не вернусь, никогда…

И если для этого мне придется стереть Ольгу в порошок, я готова.

– На коровьем. И зарядник принеси.

Официант кивает и уходит, оставляя меня одну.

Тянусь к сумочке и достаю маленький флакончик духов. Эта стерва ушла, но шлейф ее холодного аромата до сих пор витает в воздухе.

Тошно!

Брызгаюсь своими духами, вновь подкрашиваю губы блеском и вспоминаю, что у меня вообще-то еще есть сюрпризы для Оленьки.

Что я ей там говорила про детей? К Кате Павловской не было смысла приближаться. Она вся в мать – такая же высокомерная сука.

А вот Ульяша…

Она оказалась более дружелюбной.

Глава 11

Не помню, как провела остаток вчерашнего дня.

Бродила по квартире, переставляла вещи из одного угла в другой, пыталась подать заявление на развод онлайн, но в голове была каша, поэтому я все отложила.

А когда сил совсем не осталось, рухнула на все тот же пыльный диван и вырубилась.

Не уснула, расслабившись после тяжелого дня, а словно потеряла сознание и очнулась только утром.

Вроде больше не пила, а голова все равно гудела. Кажется, после новости об измене она и не проходила, мучая меня пульсацией где-то в районе висков.

Кое-как встала, добрела до кухни и закинула в себя еще одну порцию обезболивающего. Если так пойдет и дальше, придется обратиться к врачу, иначе организм на воде и таблетках долго не протянет.

С этими мыслями я уже хотела вернуться на диван, чтобы подождать, пока подействует лекарство, но в дверь позвонили.

Настойчиво и громко.

«Хоть бы не Кирилл», – первая мысль, за которой тут же последовала вторая, – «И не Мила».

Этих двоих я сегодня не выдержу.

Однако, открыв дверь, я увидела на пороге Катюшу с

Ульяной, и при виде дочерей тут же почувствовала смесь облегчения, радости, а еще горького отчаяния.

Если они здесь, то все знают.

– Мама! – вскрикнула Ульяна и буквально прыгнула на меня, сжимая в объятиях.

– Мам? – тише произнесла Катя и тоже зажала меня с другой стороны.

Почувствовав запах своих детей, я заплакала.

Со всей болью, обидой и страхом, которые сидели во мне эти дни.

Я так не плакала при Кирилле, при Зое и даже сама с собой, но дочки сорвали во мне невидимый спусковой механизм, который больше не сдерживал бурный поток слез.

И вот мы, как какие-то ненормальные, стояли в проходе и втроем ревели, прижимаясь друг к другу.

Вот моя семья, эти две девочки, которые всегда будут для меня моими маленькими принцессами. Они давно выросли, и Катя сама стала мамой, но это ничего не меняло.

За них я порву Милу, Кирилла и даже Федю, если придется.

Мне не надо квартир, машин и половины фирмы мужа, но дочек я не дам оставить без наследства.

– Ну ладно, проходите, – первая нахожу силы и тяну девочек внутрь квартиры.

Они проходят, раздеваются и с таким же ужасом, какой был и у меня, осматривают все комнаты.

Мы были здесь когда-то втроем, но очень давно, и обстановка совершенно отличалась. Не было такой разрухи.

– Мама, а почему ты здесь? – не выдерживает Ульяна.

Как она похожа на отца характером. Такая же громкая, прямолинейная и не терпящая несправедливость.

Хотя… Последняя черта ей точно не от папы досталась.

– Как вы узнали, где я? – отвечаю вопросом на вопрос, забирая у девочек куртки.

– Мы были у вас дома, – хмуро говорит Катя.

– Ага, – кивает ей Ульяна, – И застали там папу пьяного в щи.

– Ульяна! – восклицаю.

Однако удивлена я не из-за грубых слов дочери, а поведения мужа.

С чего ему напиваться?

– Она хотела сказать, что папа был очень пьяным, но все же смог в… общих чертах рассказать, что произошло, – добавляет уже спокойнее Катя, – А Валентина дала твой адрес.

– И вот мы здесь, – заключает Ульяна, плюхаясь на диван.

Катя садится следом, и обе дочери внимательно смотрят на меня, ожидая продолжения истории.

– Мам, что произошло?

– Да, мам.

Шумно выдыхаю, пододвигаю стул и сажусь перед девочками.

– И что вам рассказал папа?

– Только то, что ты ушла и хочешь развестись из-за него, – жалобно тянет Ульяна.

Понимаю их чувства. Они давно взрослые и вроде должны спокойнее реагировать на развод, чем дети помладше. Но для ребенка что в десять дет, что в двадцать, расставание родителей – это всегда удар.

Вот и мои девочки расстроены, потеряны и не скрывают этого.

А я смотрю в их грустные глаза и осознаю, что не хочу скрывать правду или смягчать ее. Они все равно узнают подробности. Эта чертова Мила все равно в какой-то момент заявится и к ним домой с Федей на руках.

Пусть тогда они будут готовы к любым последующим ударам.

– Позавчера днем, – еле ворочаю языком, – К нам домой пришла молодая… девушка, – хотела сказать «женщина», но Мила внешне ничуть не старше Ульяны, – С маленьким ребенком на руках. С мальчиком, примерно шести месяцев.

– О Боже…, – Катя быстро в голове складывает все детали пазла. Вижу по глазам дочери, что ей дальше можно не объяснять причину нашего с отцом развода.

– Да, – киваю, сглатывая ком в горле, – Это оказалась папина любовница и их общий сын.

Бомба взрывается, оглушая нас троих.

Катя прикрывает глаза, откидываясь на спинку дивана. Словно ее тоже начинает мучить головная боль.

Ульяна сначала морщится, а потом вспыхивает.

– Кто???

– У вашего папы уже примерно полтора года есть вторая семья.

– Но как? – шепчет Катя, – Вы же всегда вместе. Он же… так любит тебя. Он… Он подарок тебе выбирал вместе со мной на твой день рождения…

Теперь моя очередь прикрывать глаза, но только чтобы не показывать боль, которая обрушивается на меня.

Совсем скоро, в марте, у меня день рождения. Юбилей – пятьдесят лет.

Смешно и грустно от осознания, что проведу я его не так, как планировала.

– Сделал он уже подарок, Кать. Отличный подарок сделал!

– Ну все, не кричи, – шипит на нее старшая дочь, – Маме и так плохо.

– А почему это нашей маме должно быть плохо? – вскакивает на ноги Ульяна, – Кто эта девка? Как ее зовут? У тебя есть фото, мам? Я ей устрою!

– Фото нет, – тоже встаю и приобнимаю младшую, успокаивая, – Оно нам и не нужно.

– Еще и сын! Хочешь сказать, что у нас есть младший брат?

Молча киваю.

– Ага, щас! Нагулял папочка бастарда, а теперь подсовывает нам младшего братика.

– Ульяна! – повышает голос Катя, – Ты где нахваталась этих средневековых словечек про бастардов? «Игру престолов» по десятому кругу смотришь?

– Ну а что? – не унимается Ульяна, – Не хочешь же ты младшим братиком его называть?

Как бы я ни тряслась от злости из-за любого упоминания Феди, нельзя забывать, что ему всего шесть месяцев.

– Ребенок не виноват, – встреваю в их перепалку, – В этой ситуации он такой же крайний, как и мы.

– Да, правильно, – соглашается Катя, но и она не выдерживает в конце концов, – Виноват только папа.

– И правильно, что ты от него ушла! Только не надо было сюда…

Ульяна начинает крутить головой, внимательно осматривая плачевную обстановку гостиной.

– А как надо было?

– Выгнать папу к этой любовнице, а самой остаться дома.

– В месте, где все будет напоминать мне о предательстве? – грустно спрашиваю.

– Тогда подашь на развод и отсудишь у него все деньги, чтобы купить квартиру получше.

– А твои цветы? – с возгласом вспоминает Катя, – Как они теперь?

– Не знаю, – развожу руками, смахивая с глаз новые слезы.

– Ну ладно, – Ульяна мгновенно пресекает нашу попытку разреветься с новой силой, – Я тут уже дышать не могу, мам.

Где ведро и тряпка? А таз есть?

– Да-да, – кивает Катя, – Давай я шторы постираю, и Сашу попрошу на машине увезти весь хлам.

– Особенно диван, – морщится Ульяна.

***

Следующие три или пять часов проходят в шумной, грязной, но веселой обстановке.

Дочки практически берут все заботы на себя, а мне остается только раздавать команды и заказывать то моющие средства из магазина, то обед из ресторана неподалеку.

Мы и плачем, и смеемся, вспоминая какие-то истории из детства. Катя договаривается со своим мужем Сашей, чтобы тот купил мне новый диван в гостиную.

Вместе с диваном покупаем и кровать, потому что старая бабушкина выглядит еще хуже, чем диван.

А когда все отмыто до блеска, мы втроем падаем кто куда и счастливо осматриваемся.

Уборка – идеальный антидепрессант, а еще, оказалось, неплохое средство от головной боли.

Я чувствую жуткую усталость, но хотя бы не ноющую пульсацию.

Когда наступает вечер, приезжает всегда улыбчивый Сашка, заносит вместе с грузчиками новый диван и забирает Катю.

Ей давно пора к себе домой. Все-таки мой внук пока не может обходиться без мамы.

Прощаюсь со старшей дочкой и остаюсь с младшей, которая решительно заявила, что будет ночевать со мной.

Пусть так. Мне это даже в радость.

Ставлю на плиту кастрюлю с водой и достаю пельмени из морозилки. Я умею готовить, могу сварить густой борщ или испечь пироги, но с появлением Валентины необходимость много и часто готовить отпала.

Все уже было готово за меня.

Поэтому сейчас, с непривычки, я могу лишь заказать еду или сварить пельмени. На большее у меня нет сил и желания.

– Что на ужин? – раздается бодрый голос Ульяны.

Столько убирались, а энергия в ней бьет ключом. Молодость – вот и все объяснение.

– Пельмени с зеленью и сметаной, – торжественно объявляю.

Грусть прошла, смылась вместе с густым слоем пыли, и я даже могу пошутить или улыбнуться лишний раз.

Особенно, когда Ульяна театрально хлопает в ладоши и шустро садится на свободный табурет.

Пока я жду закипания воды и мешаю пельмени до готовности, дочка сидит в телефоне.

Я не ворчу из-за гаджетов, потому что времена такие. Это мы бегали в библиотеку, чтобы прочитать что-то интересное, а им достаточно открыть интернет, и весь мир как на ладони.

Но уж больно Ульяну захватил этот экран. Она то энергично строчит кому-то, то с замиранием ждет ответ и хихи-

кает от прочитанного.

Мне становится настолько любопытно, что я не выдерживаю:

– И как его зовут?

Дочка сначала пугается, словно ее поймали с поличным, а потом медленно поднимает на меня взгляд.

– Дима, – с румянцем на щеках отвечает она.

– Я его знаю?

Это не допрос, нет. Потому что личная жизнь девочек меня никогда не касалась, и в этом вопросе я старалась быть для них другом, разделять все их секреты и пару раз уговаривала Кирилла отпустить Катю или Ульяну с друзьями погулять, даже если на дворе уже был вечер.

– Нет, – смущенно признается Ульяша, нехотя откладывая телефон, – Меня с ним познакомила Люда, моя новая подруга.

– Люда? – удивленно смотрю на дочь.

– Да, – кивает она, – Представляешь, такое имя редкое в наше время, но она классная, правда. И у нее есть старший брат. Дима.

Тут Ульяна смущается еще сильнее, произнося имя парня. А я лишь с улыбкой качаю головой, не подозревая, какая страшная угроза нависла над моей девочкой.

– А фото есть? Люды твоей и этого Димы?

Я знаю всех друзей Ульяны, с кем-то знакома лично, но про загадочную Люду слышу впервые.

– Нет, – отвечает дочь, – Но мы завтра вечером встречаемся с ней, чтобы пойти на каток, и я сделаю для тебя селфи.

– Договорились.

Глава 12

Проходит неделя с того злополучного дня.

Целая неделя, за которую я успеваю пройти все стадии от отрицания до принятия и начать ремонт в этой дурацкой квартире, которая неимоверно бесит меня.

Почему не переезжаю?

Наверное, на зло себе, потому что квартира ни в чем не виновата. Она лишь сильнее подчеркивает то, куда так стремительно скатилась моя жизнь.

Единственное, что одновременно и радует, и тревожит, – Кирилл не объявляется. От слова совсем.

Не звонит, не пишет. У подъезда тоже не дежурит – я проверяла.

И надо бы радоваться этому факту, но в груди от чего-то ноет.

Значит, не нужна ему, и все его слова были пустым звуком. Он понял, что без старой жены в принципе неплохо, и вовсю развлекается с молодой любовницей.

Глупое объяснение, но другого у меня не было.

И чтобы поменьше накручивать себя, это утро я начала со снятия старых обоев. Точнее с нескольких слоев старых обоев и газет.

Срывала руками, попрощавшись с маникюром, обливала стены водой и пыталась поддеть бумагу шпателем.

В общем, устроила себе бесплатный сеанс психотерапии, но эти дурацкие обои, которые никак не поддавались мне, только сильнее раздражали.

В какой-то момент я начала разговаривать сама с собой, ругаясь на стену, на неудобный шпатель и ведро воды, которое оказалось у меня под ногами и ожидаемо пролилось.

Никогда не начинайте ремонт, когда вы разбиты и расстроены. Лучше не станет.

Психанув, пинаю от себя ведро и кидаю первое попавшееся полотенце на лужу, чтобы она не растекалась дальше.

Чем я вообще занимаюсь сейчас? Как я буду жить дальше?

Пора признаться себе, что одиночество меня убивает. Прошла всего неделя, а я уже похожа на полупрозрачную моль, которую посадили в тесную банку, и она отчаянно бьется хрупкими крылышками, пытаясь вырваться.

Медленно сползаю по сырой и грязной стене, подтягиваю к себе ноги и утыкаюсь лбом в колени.

Плакать больше не хочется – слез просто не осталось, но я все же тихонько подвываю среди всего беспорядка.

То ли мычу, то ли скулю в тишине квартиры и за этим не сразу замечаю, как в дверь кто-то стучит.

Не звонит, а сначала аккуратно постукивает, но, когда я не отвечаю, начинает барабанить.

Кто опять?!

– Что вам всем от меня надо? – кричу куда-то в пустоту, молниеносно вскакивая на ноги.

Это не Зоя и не дети – с первой мы должны встретиться завтра, а дочки обещали прийти в выходные.

Если это Мила…

Не удивлюсь, если эта наглая девка как-то раздобыла мой адрес, но тогда я начну драться с ней прямо в подъезде, потому что по-другому она, видимо, не понимает.

Стук усиливается, и я подбегаю к двери. Проворачиваю замок и распахиваю ее, чтобы в то же мгновение столкнуться с Кириллом лбами.

Явился!

– Оля, ты почему не открываешь? – раздается претензия.

Стоим вдвоем в коридоре и пытаемся отдышаться. Кирилл злой как черт, но и я не отступаю.

– Не хотела открывать, – ворчу на него.

– Я бы вышиб эту дверь.

Отмахиваюсь от его угроз и возвращаюсь к своему хаосу в гостиной.

Кирилл, конечно же, идет следом, даже не разуваясь, сталкивается с моим погромом и замирает. Смотрит на все то ли с ужасом, то ли с отвращением – не могу понять по его лицу, но замечаю другое.

Чистенький, подстриженный, в выглаженной рубашке, словно и не было никакого запоя.

– И как жизнь с новой семьей? – язвлю, потому что мне невыносимо больно рядом с ним.

Стоять в паре метров друг от друга, вдыхать его парфюм и

не иметь возможности обнять, потому что он больше не мой.

Кирилл морщится, будто я чушь какую-то сказала, и смотрит на меня так пристально, что я первая не выдерживаю и отвожу взгляд.

– Никакой новой семьи нет и не будет, – строго произносит мужчина, – У меня только одна жена, и у нее есть полчаса, чтобы собрать вещи и поехать домой.

– Одна? – усмехаюсь, – А вторую куда денешь? Думаю, Мила не очень-то обрадуется нашему воссоединению.

– Милу не касается моя личная жизнь, – выдает муж, что я от удивления аж выпучиваю глаза на него.

Ага, не касается. Только она об этом не знает.

– А Федя? – продолжаю нападать на него, – Давай так. Я возвращаюсь с тобой домой, но ты забываешь, что у тебя есть сын. Все, никакой Милы и никакого Феди. Недоразумение вышло!

Кирилл молчит, но по глазам вижу все ответы.

В них хоть и полыхает пламя гнева из-за моего непослушания, но вместе с ним взгляд мужа прекрасно выдает, в каком тупике мы находимся.

– Правильно, – отвечаю за него, когда пауза затягивается, – Нельзя отмотать назад, Кирилл, и я не смогу делать вид, чтобы ничего не было. А ты можешь сколько угодно клясться мне и падать на колени, но я даже стою рядом с тобой с трудом. Не представляю, как целоваться с тобой, как заниматься любовью и изображать ту любящую Олю после такого

предательства. Я не смогу, – шепчу обессиленно.

Кирилл продолжает молчать, подпирая плечом дверной проем. В этой квартирке он кажется таким огромным, широким и чужим.

– Я не могу потерять тебя, – хрипло отвечает он, ударяя словами больнее, чем любая пощечина, – Я совершил ошибку, подлость, предательство – называй как хочешь. Я виноват, но я даже дышать не могу без тебя. Тем более находиться в том чертовом доме!

Мужчина все-таки не выдерживает и переходит на крик.

– А я? – кричу в ответ, – Я как там буду находиться? Как мне жить, зная, что по выходным ты будешь ездить к своему сыну и встречаться с этой Милой? Как мне тебе верить, что между вами больше ничего нет? А если это повторится?

– И что ты предлагаешь?! Развод? Ну уж нет, Ольга! Я дал тебе неделю отдохнуть и прийти в себя. Неделя прошла. Собирайся!

– Можешь сколько угодно приказывать и орать, – говорю уже спокойнее, – Но да, это развод.

– Нет, – качает головой, – Развод я тебе не дам.

– Я и не спрашиваю разрешение.

Кирилл больше не слушает. Он отталкивается со своего места и начинает медленно надвигаться на меня.

А я…

Сначала замираю, но также быстро отмираю и каким-то чудом юркаю в коридор, пробегая через него. Мужчина пы-

тается поймать меня за руку, но не успевает.

Злится, ругается себе под нос и широким шагом настигает меня у входной двери, которую я распахнула, жестом показывая, что ему пора.

– Поезжай к сыну и Миле. А меня оставьте в покое, – уже не прошу, а умоляю, но Кириллу все равно.

Он убирает мои руки и с грохотом захлопывает дверь, зажимая меня в тиски.

Тут же начинаю брыкаться, пытаясь оттолкнуть его, кручу головой из стороны в сторону, поэтому мужчине приходится одной рукой держать меня за талию, а другой крепко сжимать подбородок.

В какой-то момент сил не остается, и на мои губы обрушивается поцелуй.

Очень долгий и очень голодный.

Я совершаю ошибку, за которую буду винить себя еще минимум неделю, но я отвечаю ему, позволяя целовать себя, сминать губы, засасывать и ласкать язык, лишая дыхания.

Кирилл безумно горячий, даже обжигающий, но я липну к нему, согреваясь этим теплом и ощущая твердое мужское желание.

Муж прекращает удерживать меня и перемещает руки под попу, чтобы обхватить и усадить на тумбу.

А потом…

В голове резко появляется кадр, где он точно также целует Милу, подхватывает, раздевает и трахает.

Жестко, выбивая крики и стоны – как он любит.

И эта вспышка осознания прожигает сердце насквозь, заставляя оттолкнуть Кирилла от себя.

Он растерян, и я пользуюсь этим, добивая нас обоих.

– Во мне все умерло, Кирилл. И любовь тоже на последнем издыхании. Не мучай нас больше.

– Ты врешь, – мужчина тяжело дышит и тянет руки ко мне.

– Я никогда еще не была так честна с тобой.

Ожидаю, что он продолжит возражать, но Кирилл со всей силы ударяет кулаком по той самой тумбе, превращая ее в щепки, и уходит.

Глава 13

Вот и ответ, который Кирилл так боялся озвучить вслух.

Он не сможет отказаться от сына, а я не смогу принять его сына.

Отчасти я понимаю мужа. Дочерей он баловал до безумия, отдавал им всего себя, сидел по ночам, когда я выдыхалась, стойко менял подгузники и без моей помощи со всем справлялся.

Есть мужчины, для которых ребенок – это трофей, а все заботы о нем ложатся на плечи матери, но Кирилл другой.

Он – отец, настоящий, заботливый и умеющий брать ответственность.

Поэтому его отношение к Феде меня не удивляет. Он не бросит его никогда. Просто не сможет жить, зная, что где-то там растет его сын.

Мы оказались в тупике, из которого нет выхода. И осознание этого ранит меня сильнее всего.

– Как раньше уже не будет, – говорю сама себе вслух и возвращаюсь в гостиную, где о недавнем приходе мужа напоминают лишь большие черные следы от его обуви.

Осматриваю критически комнату и понимаю, что здесь проще все сжечь, чем привести в порядок. Повсюду слипшиеся куски бумаги, отвалившаяся штукатурка, мебель и одежда, накрытые прозрачной пленкой.

В спальне не лучше, потому что и там я умудрилась намусорить.

Проходит еще час, за который я успеваю намотать не первый километр бесцельных хождений, а хаос вокруг остается без изменений.

Номер в гостинице что ли снять на пару дней или к Ульяне напроситься.

– Надо было просто продать эту квартиру и не мучиться, – продолжаю болтать в пустоту.

– Да, надо было, – но мне отвечают.

Резко поворачиваюсь на звук и встречаюсь взглядом все с таким же злым Кириллом.

Вернулся?!

Сердце тут же пускается в пляс, и первые пару секунд я не могу вымолвить и слова, потому что горло охватывает спазм.

Молчу, пытаюсь не забывать дышать и таращусь на него.

А Кирилл тем временем успевает скинуть куртку и поставить передо мной огромный ящик со всеми инструментами.

– Оль, ну ты как в первый раз, – причитает мужчина, еще раз внимательно осматривая мой «ремонт», – Сначала старый плинтус нужно снять, а потом обои.

– Я не смогла его снять, – пытаюсь оправдаться, – А вилкой и ножом не получилось.

– Вилкой? – Кирилл аж замирает на месте. Видимо, представляет в голове, как я ковыряла плинтус вилкой.

Знаю, и звучит, и выглядит смешно, но у меня из инстру-

ментов здесь только столовые приборы.

– Да, вилкой, – все-таки оживаю и начинаю внимательно следить за каждым действием мужа.

Вот он открывает спортивную сумку, которую принес вместе с инструментами. Достает оттуда футболку и начинает переодеваться при мне.

А я словно впервые вижу мужчину с голым торсом. То прячу глаза, то украдкой посматриваю на него, чувствуя прилив жара где-то в районе живота.

Кирилл отличается от своих ровесников, которые к пятидесяти годам отращивают пузо. У него нет восьми кубиков, но пресс до сих пор твердый и рельефный.

Руки тоже… Очень сильные.

Шумно сглатываю и выдаю себя с потрохами.

– Знаешь, о чем я мечтаю сейчас? – с улыбкой спрашивает мужчина, продолжая свой мини-стриптиз.

– О чем? – хриплю, потому что в горле становится нестерпимо сухо.

Кирилл поворачивается ко мне в одних джинсах и ботинках, внимательно проходится глазами по моему телу и задерживается на груди.

Достаточно одного взгляда, чтобы понять мои мысли. А еще тело прекрасно выдает все свои потребности.

Соски встали и отчетливо видны через футболку, щеки покраснели, а губы будто обветрились, поэтому мне приходится их часто облизывать.

Я живой человек, у которого давно не было секса, поэтому ничего удивительного в моей реакции нет.

Но Кириллу это нравится, даже льстит – вижу по его довольному выражению лица.

– Трахнуть тебя сначала у той бетонной стены, – томно шепчет он, показывая рукой на стену за моей спиной, – А потом продолжить на диване. А, может, на кухонной тумбе?

– Она не выдержит, – зачем-то поддаюсь его игре.

– Хм… Тогда в ванной?

– Там кран нужно починить, – возвращаюсь в реальность, сбрасывая с себя этот морок.

Кирилл умеет заговаривать, но я не собираюсь растекаться лужицей у его ног.

– Починю, – посмеивается надо мной мужчина, все-таки надевая на себя футболку.

А дальше Кирилл основательно берется за мой ремонт. Точнее за жалкое подобие ремонта.

Пока он снимает плинтусы, я собираю в пакеты весь мусор. Сразу после муж переходит к той несчастной тумбочке, которую сам же сломал, а я продолжаю шпателем снимать обои.

– Предлагаю остальные комнаты пока не трогать, – доносится до меня голос Кирилла откуда-то из коридора.

Тумбочку ему не удалось починить, но мужчина легко справился со старым линолеумом, которым мы когда-то застелили деревянный паркет.

– Хочу все здесь поменять, – возражаю, но тут же победно вскрикиваю, когда мне поддается последний кусок обоев.

– Поменяем, – соглашается мужчина, орудуя шуруповертом, – Но надо постепенно.

На дворе уже ночь, а мы все возимся с квартирой. Однако надо признаться, что с Кириллом работа продвигается намного быстрее.

В гостиной и коридоре больше нет пожелтевших обоев, для кухни я уже заказала новый недорогой гарнитур и плитку на фартук.

Стены решила покрасить в молочно-белый, чтобы создавалось впечатление большого и теплого пространства. Полы придется реставрировать, потому что я не готова расставаться с паркетом.

А еще нужно заменить электрику, сантехнику, окна…

Работы настолько много, но впервые меня воодушевляют эти перемены.

А вдруг ремонт сделает из этого плачевного места что-то стоящее. Вдруг у меня появится дом?

– О чем думаешь?

Голос мужа раздается так неожиданно, что я вздрагиваю.

Сейчас чуть больше двух ночи, поэтому нам пришлось закончить все, пока соседи не вызвали полицию.

Кирилл уходил умываться в ванную, а я заварила себе чай и стояла у окна, рассматривая тихо падающий снег.

Вид на дворик уже не казался таким чужим, и я даже на-

училась определять машины соседей.

И среди всех них выделялся седан Кирилла, нагло припаркованный почти у входа в подъезд.

– Тебе пора, – озвучиваю то, о чем боялась думать весь вечер.

Глупо отрицать, но я забываюсь рядом с ним.

Забываю про измены, про Милу и ребенка. Забываю, что нас больше нет и утром я опять проснусь одна.

Кирилл уедет и в какой-то день больше не приедет. Так зачем продлевать себе мазохизм?

Мне хорошо рядом с ним, как было всегда. Спокойно, уютно и тепло. Но…

– А если я не хочу уезжать? – возражает муж, подходя вплотную ко мне.

Не сопротивляюсь, когда его грудь прижимается к моей спине. Когда сильные руки обвивают тело, а сам мужчина утыкается носом мне в шею, посылая щекочущие мурашки по коже.

Я даже расслабляюсь и слегка откидываюсь на него.

– Все равно придется, – шепчу ему в ответ, рассматривая нас в отражении оконного стекла.

Мы изменились за эти тридцать лет, но я почему-то все еще вижу ту Олю, которая не отрывала голову от учебников и в упор не видела мальчиков. И того Кирилла, который ворвался в мою жизнь, словно ураган, заставив полюбить его с первого разговора, первого касания и поцелуя.

– А помнишь, как я зажал тебя за углом школы и поцеловал?

Вот как у него получается читать мои мысли?

– Конечно, помню, – тихо посмеиваюсь, – Ты был весь потный и вонючий после физкультуры.

– Но ты не отталкивала меня.

– Нет, не отталкивала.

– А сейчас?

– Что сейчас? – отвечаю вопросом на вопрос, поворачивая голову к мужу.

Кирилл не медлит. Аккуратно обхватывает меня за подбородок и целует.

В этот раз его губы медленно ласкают мои, словно пробуя на вкус. Тогда, за углом школы, он целовал точно так же. То ли боялся, то ли пытался быть нежным.

Вот и сейчас вместо напора выбирает нежность, а я опять отвечаю.

Поцелуй получается тягучим, приторно сладким, но мне нравится. В какой-то момент я даже беру инициативу в свои руки, захватывая его язык в плен.

– Я люблю тебя, – в перерыве проговаривает Кирилл, а я в ответ больно кусаю его губу, потому что поздно разбрасываться такими словами.

– А я тебя ненавижу.

– Знаю, – без споров соглашается мужчина, стягивая с себя футболку.

Сильнее прижимаюсь к нему, впитывая весь жар его тела

Что я там говорила? Не могу находиться с ним рядом, не представляю, как буду целоваться и заниматься любовью?

Я врала. И себе, и ему.

Все я могу и хочу. Еще чуть-чуть, и мы окажемся на диване. Все идет к этому, когда муж ловко избавляет меня от футболки, просовывая руку в мои спортивные штаны.

Не сопротивляюсь, потому что это выше моих сил.

Вот его пальцы добираются до трусиков, отодвигают их и…

– Чееерт, – это ругаюсь я, а не он, потому что тело остро реагирует на ласку, раскрываясь сильнее.

Мне хорошо и даже очень. Знаю, что завтра будет плохо. Я буду винить себя в слабости, проклинать всех и вся. Особенно Кирилла, потому что он не отпускает меня.

Но сейчас так хорошо, и я не намерена останавливаться.

– Прикоснись ко мне, – повелительно шепчет Кирилл.

Тянусь к его ширинке, расстегиваю ремень и...

Все обламывается, потому что мой телефон резко оживает и начинает противно пиликать, привлекая к себе внимание.

Кто-то настойчиво написывает в мессенджере и этим кем-то оказывается моя младшая дочь.

Ульяна никогда не пишет так поздно, поэтому я аккуратно отталкиваю Кирилла и хватаю телефон с подоконника.

Дочь прислала какие-то фотографии. Открываю нашу переписку и чувствую, как что-то невидимое ударяет меня под

дых.

Сердце начинает колотиться так быстро, будто сейчас выскочит из груди.

На фотографиях моя Ульяна приобнимает Милу и радостно смотрит в камеру.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.